По закону
Джим Батчер

Аннотация
Джим Батчер. По закону

Аннотация

Не каждая опасность приходит в виде мегаугрозы, такой как Титан. Некоторые хищники гораздо скромнее... более приземленные. Когда одно из таких существ угрожает независимому репетитору, Гарри Дрезден должен стряхнуть с себя кровь и грязь последних сражений и справиться с ситуацией, даже если выяснится, что новый хищник гораздо опаснее и имеет гораздо больше связей, чем можно предположить на первый взгляд.

Джим Батчер
По закону

Действие рассказа происходит в период между действиями романов 16 и 17 цикла «Досье Дрездена»

Жизнь несправедлива.

Это факт, осознание которого приходит в голову всем нам в раннем возрасте. Независимо от того, приходит ли оно каким-то очень реальным и серьёзным образом, допустим, когда рано умирает кто-то из родителей, или мы узнаём об этом в гораздо менее тяжёлой форме где-нибудь на детской площадке, факт остаётся фактом. Планета Земля — несправедливое место. Несправедлива во многих отношениях, в чём-то даже хуже других, но она несправедлива. Ни для кого.

И это, пожалуй, самое справедливое в ней.

Это был тяжёлый год для меня, с тех пор как Последний Титан напала на город. Я потерял много друзей в той битве. Одной из них была Мёрфи. Она истекла кровью, пока я держал её на руках. Ранение в шею. Случайное.

Всякий раз закрывая глаза, я видел её лицо,

видел как синеют её губы и сереет кожа. Мне не удалось выбросить это ни из своих снов, ни из головы. Я ненавидел засыпать, потому что в основном мне снилось, как она умирает, снова и снова, как на повторе. Возможно, моё подсознание искало все способы, которыми мне удалось бы изменить исход, как разгневанный тренер, анализирующий видео после игры. Или, может быть, я просто не мог её отпустить.

Чёрт возьми, если бы я знал.

Жалость к себе, а это, пожалуй, самая бесполезная вещь, которую вы можете чувствовать: она ни черта вам не даёт. Вы не чувствуете себя лучше и слишком заняты хандрой, чтобы сделать хоть что-нибудь, чтобы на самом деле улучшить свою жизнь. Есть причина, по которой старики называют это «сидеть и вариться в собственном соку». Всё, происходящее с вами сводится к одному — вы просто впитываете боль.

Тем не менее, всему своё время, в том числе и тому, когда уместно так себя чувствовать. Для меня это время было между тремя и пятью часами утра. Я не мог спать больше трёх-четырёх часов за ночь, а когда просыпался, то лежал с закрытыми глазами и… страдал. Иногда снова погружался в кошмарную дрёму. Однако большую часть меся-

ца я просто лежал и страдал.

Мой чисто механический будильник прозвенел в пять — не для того, чтобы разбудить меня, а для того, чтобы сказать мне, что пришла пора на время избавиться от этих чувств.

Страдать — это нормально.

Но нехорошо подводить людей, которые на меня полагаются. Это была моя точка равновесия.

Итак, в пять утра, примерно через месяц после смерти Мёрфи, я встал, сделал растяжку, которую другие люди могли бы назвать «йогой», и принял холодный душ, потому что, находясь под ним, нельзя думать ни о чём другом. Затем одевшись, притворился полноценным человеком и, пошатываясь, вышел из своих покоев в замке на кухню, чтобы позавтракать. Это была огромная комната, полная мебели из нержавеющей стали и полированных бетонных полов. Мой большой, старый, серый кот Мистер бодро трусил за мной по пятам, а иногда и впереди, помогая мне сохранять равновесие на тренировках.

Уилл ждал меня с чашкой кофе.

Уилл Борден Оборотень отдыхал от роли Уилла Бордена Отца и Инженера, чтобы помочь мне по дому. Это был коренастый шатен с бородой, сложенный на три четверти как профессиональ-

ный полузащитник. Его голова доходила мне до груди. Он был одет по деловому, но без пиджака или галстука, и вместо планшета или смартфона у него была папка заполненная бумагами, в связи с тем, что сложные электронные устройства в замке ломались в считанные секунды.

— Хм, — сказал он и передал мне чашку кофе из старой армейской кофеварки, которую Майкл отремонтировал и подарил мне.

— Спбо, — вежливо пробормотал я, приняв чашку.

Я немного отхлебнул.

— Хорошо, — сказал я. — Думаю, теперь я могу понимать человеческую речь.

Я доплёлся до одного из встроенных холодильников на кухне замка, открыл его и начал доставать продукты для завтрака. Повара-добровольцы из Ордо Лебес прибудут через час, чтобы начать готовить завтраки для различных беженцев, проживающих в моем старом-новом доме, но пока что мы были предоставлены сами себе.

Мистер замурлыкал и прошёлся взад-вперёд между моих лодыжек, нежно потираясь об меня. Я старался не споткнуться об него и не убиться, пока доставал ему завтрак и кормил его.

— Хорошо, — сказал Уилл, просматривая верх-

нюю страницу из своей папки и зевая. — Готов к сегодняшнему дню?

Хмыкнув, я достал бекон и яйца и поставил сковородку на огонь, зажжённый на одной из больших плит.

— Углеводы, — рассеянно сказал Уилл. — Целый день на ногах.

Я достал кастрюлю для овсянки и принялся за неё.

— Совещание по бюджету в час, — сказал Уилл. — Городской парень придёт в два, чтобы пригрозить нам перезонированием.

— Опять?

Уилл пожал плечами.

— Марконе срезал некоторые углы, когда строил это место. Город был осторожен с ним. Но они не беспокоятся на твой счёт. И ещё, у тебя назначена встреча с комитетом Паранета.

— С Параноиком Гэри, — сказал я.

— А в четыре часа, — продолжил Уилл, — придёт новая помощница Лары, чтобы договориться об условиях первого свидания.

— Я не отступлю ни на шаг. И это произойдёт только через две недели, — сказал я.

— Адвокатам Мэб нужно время, чтобы пересмотреть условия и ограничения, — отметил

Уилл.

Я вздохнул.

— Условия и ограничения, вероятно, являются хорошей идеей в большинстве взаимодействий. Но «условия и ограничения» — это одна из тех фраз, которые, вероятно, не должны применяться к свиданиям.

Уилл печально усмехнулся. Затем он сделал паузу и посмотрел на меня.

— Есть заметка для сегодняшнего утра, на которую, я думаю, тебе стоит взглянуть.

Как только сковорода нагрелась, в ход пошли масло, яйца и бекон. В тот момент я не особенно заботился о жире. Сильное горе и стресс разъедают тело. Моему требовались каждая калория, которую я мог в него запихнуть.

— Я всё ещё не в форме, Уилл. Утро — для восстановления и людей.

— Да, — сказал Уилл. — Вот почему я об этом сказал.

Я взял свой кофе, проверил овсянку и посмотрел на него.

— Женщина попала в беду и пришла сюда, — сказал он. — Она в тяжёлом положении. Может быть, ты сможешь помочь.

Помочь.

Губы Мёрфи посинели…

— Гарри, — сказал он с терпением и сочувствием в голосе. — Вернись.

Я не заметил, сколько времени прошло, пока дурные воспоминания меня не отпустили, но яйца начали слегка дымиться. Значит, будет омлет. Я кивнул, благодаря Уилла, и внёс коррективы.

— О женщине. У неё проблемы с фэйри? В её жизни появился какой-то вампир?

— Вообще-то, нет, — сказал Уилл.

Я нахмурился и поднял глаза.

— Что ей нужно?

— Я думаю, ей нужен опытный частный детектив.

— Хех. Но что ей нужно от меня? — капризно спросил я. Но что-то глубоко внутри меня зашевелилось, как старый боевой конь, услышавший глас труб.

Мистер оторвал взгляд от своей еды, замурлыкал и снова потёрся о мои колени. Я на мгновение уставился на своего старого мальчика, покрытого боевыми шрамами.

— Может быть, пришло время, — сказал я.

***

Её звали Майя, и она выглядела как человек,

который пропустил много приёмов пищи в своей жизни. Под тридцать, черты лица скорее резкие, чем красивые, множество веснушек на светло-карамельной коже. На ней была удобная обувь и недорогая, поношенная одежда: брюки, белая рубашка и бежевый кардиган. У неё не было денег — вероятно, это объясняло, почему она пришла ко мне.

Сьюзен, подумал я. Она выглядит примерно так, как могла бы выглядеть Сьюзен, если бы жила нормальной жизнью.

Я почувствовал, что меня куда-то уносит, но сдержался. Я одарил Майю короткой вымученной улыбкой и устроился за своим столом в комнате, которую использовал как офис. Несколько недель назад это был чулан с припасами, но он был рядом с моими личными покоями в подвале замка, где они, черт возьми, и должны были быть.

— Спасибо, что приняли меня, мистер Дрезден, — сказала Майя, тщательно контролируя свой голос. Она говорила, как человек, который был близок к тому, чтобы расплакаться.

Я понимал, что она чувствовала.

— Уилл сказал, что вам нужна небольшая помощь, — сказал я. — Не могли бы вы рассказать мне об этом немного подробнее?

— На меня подали в суд, — сказала она.

— Я не юрист. Обычно они более полезны в судебных тяжбах.

Она слабо улыбнулась, её глаза были усталыми.

— Я профессиональный репетитор. — Я изучал её. — Из недорогих.

— Нет. — Я кивнул. — Расскажите мне больше об этом деле.

Она сделала медленный вдох.

— Восемь лет назад я открыла свой… бизнес. У меня... была трудная жизнь до этого. Я была секс-работницей. — Она внимательно наблюдала за моим лицом. — Для вас это не проблема?

— Это не моё дело. Меня там не было. Не мне вас судить. Но у вас самой есть с этим проблемы?

Очевидно, ей не понравилось то, что она увидела на моем лице. Она наблюдала за мной ещё мгновение, прежде чем медленно кивнула.

— Я хотела чего-то другого. У меня была степень бакалавра в области образования полученная в юности. — Она одарила меня мимолётной улыбкой. — И я накопила достаточно денег, чтобы открыть «Подсолнух».

— Ваш репетиторский бизнес, — сказал я.

Она кивнула.

— Всё прошло лучше, чем я думала. В сообществах Вест-Сайда много людей, которые хотят лучшего для своих детей и которые готовы вложить свои деньги в лучшее образование.

— Это кажется разумным.

— Мой бизнес не приносил большого дохода, — сказала она. — Мои клиенты — рабочие, строители, водители грузовиков. Но они хотят большего для своих детей.

— Я тоже.

Она слегка улыбнулась.

— Я зарабатывала деньги от объёма работ. На самом деле для меня было слишком много работы. И вот, после первого года я нашла другую женщину и помогла ей открыть свой собственный «Подсолнух».

— Франшиза.

— Едва ли это можно так назвать, — сказала она, и в уголках её глаз появились морщинки. — Её бизнес тоже начал приносить доход, и мы наняли других, и так далее. В основном это были одинокие женщины, большинство с одним или двумя детьми. Мы помогали детям и зарабатывали достаточно, чтобы прокормиться.

— И сколько сейчас «Подсолнухов»? — спросил я.

— Тридцать девять, — ответила она. — Каждая из нас кладёт пятьдесят долларов в месяц в общую кубышку. И из этих денег мы оплачиваем обучение тех детей, которые хотят учиться, но чьи родители не могут позволить себе оплатить учёбу. Это не такое уж грандиозное предприятие, мистер Дрезден. И никогда им не станет. Но оно создало место, где женщины могли обеспечивать себя сами, помогая детям.

Она вздёрнула подбородок.

— Я горжусь этим. Горжусь людьми, с которыми работаю. Горжусь всем тем хорошим, что мы сделали.

— Звучит заманчиво, — сказал я кивая. — Расскажите мне о судебном разбирательстве.

Она поморщилась.

— Его зовут Трипп. Трипп Грегори.

— Гражданский иск?

Она коротко улыбнулась мне.

— Ему принадлежит здание, в котором я работаю.

— Вы у него арендуете?

Она кивнула.

— Я работаю по контракту. У меня... в моей прошлой жизни там был офис.

Я наклонил голову и нахмурился.

— Расскажите мне поподробней.

— Трипп... не очень хороший человек. Он был… посредником. Но был арестован по обвинению в торговле наркотиками и последние восемь лет находился в «Понтиаке».

— Позвольте мне проверить, правильно ли я понимаю, — сказал я. — Трипп был вашим сутенером и посредником, оплачивал ваши услуги. Что-то вроде выгодной сделки по аренде?

Она опустила глаза и кивнула.

— За оказанные услуги.

— Хм. Я полагаю, он получил то, что заслужил и сел, а у вас появился шанс изменить свою жизнь. Чем вы и воспользовались. Сменили сферу деятельности, но остались на старом месте. И вот теперь Трипп вернулся, и ему что-то нужно от вас.

— Я не могу переехать, не подняв цены выше чем могли бы себе позволить мои клиенты. «Подсолнух» никогда не смог бы так подняться. — Она помрачнела. — О-он говорит, что я должна ему за то время. Вернуть деньги.

Она быстро подняла глаза.

— Во всех смыслах.

Мне пришлось приложить немало усилий, чтобы не зарычать во весь голос. Трипп мне уже

не нравился.

— Итак, расскажите мне об иске.

— В нашем контракте есть пункт, который, по его словам, делает его моим партнёром. Он требует возмещения из всей «прибыли», полученной компанией, а также требует вернуть все деньги, которые мы пожертвовали для детей, чьи семьи сами не могли оплатить наши услуги.

— По-моему, это полная чушь, — сказал я.

Она поморщилась.

— У меня хватило денег, чтобы заплатить адвокату за изучение контракта. Она сказала, что он в своём праве.

— Сколько, по его словам, вы ему должны? — спросил я.

— Около четверти миллиона, — сказала она, покачав головой. — У нас не настолько прибыльный бизнес. Мы никак не можем заплатить ему эту сумму, даже если бы мы действительно были ему должны. Юридическое представительство в судах Чикаго обходится дорого — гораздо дороже, чем мы можем себе позволить. Это стоит больших денег, оплата адвоката, свидетельских показаний, экспертиз — а ведь были дела и менее обоснованные, чем это, которые были решены в его пользу.

— И борьба с ним стоит огромных денег. Которых у вас нет.

— Вот именно, — сказала она. — И даже если мы выиграем у него в суде, эта победа может стоить нам жизни. И он это знает. Но если мы не будем бороться с ним, единственный вариант — полностью закрыть «Подсолнух».

Она сделала глубокий вдох.

— Мистер Дрезден, на улицах говорят, что, если тебе нужна помощь, звони в полицию, или в скорую помощь, или страховому агенту. Но когда тебе нужно чудо... единственный, к кому можно обратиться, — это вы.

О, чёрт. Опять эта старая штука.

— В последнее время всё было очень плохо, — сказала она. Теперь в её глазах стояли слезы. — Было так страшно. Атака террористов и применение химического оружия. Я была уже везде, искала кого-нибудь, кто мог бы нам помочь. После атаки ни у кого не было свободных средств. Все — и я действительно имею в виду всех — уже на пределе.

Она сложила руки на коленях и опустила глаза.

— Вот почему я пришла к вам. Мне нужно чудо.

Я выдохнул. Адские колокола. По крайней мере, это было интересно. Может быть, я мог бы поместить это на визитную карточку.

— Хорошо, — сказал я.

Она подняла голову, её глаза были широко раскрыты, в них было что-то, едва похожее на надежду.

— Не люблю хулиганов, — сказал я, взяв карандаш и блокнот. — Позвольте мне получить от вас больше информации, и я посмотрю, что можно будет сделать.

***

Если у вас есть проблема, идите прямо навстречу к ней.

Я посмотрел на Триппа Грегори.

Он был хорошо обеспечен для парня, который просидел в тюрьме при двух президентах. У него был дом в Лейквью, и когда я подъехал к нему, пара молодых женщин, которые, по-видимому, были одеты для пляжной вечеринки, как раз уходили от него.

Во мне примерно шесть футов и девять дюймов роста, я уже не так молод, как раньше, и у меня накопилось несколько шрамов. Из-за этого и большого чёрного кожаного пыльника, который

был на мне даже жарким летним утром, они окинули на меня нервным взглядом и постарались побыстрее скрыться из виду. Я внимательно наблюдал, как они садились в свою маленькую спортивную машину, на случай, если они откуда-то достанут стволы, а также потому, что у меня большой опыт в наблюдении за людьми. Они уехали, а я подошёл к двери и постучал.

— Я заплатил вам за то, чтобы вы убрались на хрен! — раздался мужской голос изнутри. — Да бога ради, что вам ещё нужно?

Послышались шаги, и мужчина в дешёвом чёрном хлопчатобумажном халате приоткрыл дверь. Ему было около сорока, хорошо сложенный, с обесцвеченными светлыми волосами и темными глазами. Он моргнул, а затем хмуро посмотрел на меня.

— А ты, чёрт возьми, что за урод? — потребовал он ответа.

— Адские колокола, какая прелесть, — сказал я. — Держу пари, ты заводишь друзей везде, куда бы ни пошёл.

— Чего? — требовательно спросил он. Снова.

— И к тому же красноречив, — сказал я. — Трипп Грегори?

Он сердито посмотрел на меня.

— Кто ты, чёрт возьми, такой?

Я оглядел его жилище. Там не было ничего особенного в плане обстановки или мебели, а то, что я видел было дешёвым. В коробке на футоне лежала куча почты.

— Меня зовут Гарри Дрезден, — сказал я.

— И что это должно значить, мудила?

Мои кулаки уже чесались от желания встретиться с его носом. Я медленно вдохнул и выдохнул, чтобы не пустить в их ход раньше времени.

— Я работаю на Майю.

— А, на эту шлюху, — усмехнулся он.

Одним из последствий моей жизни было то, что я носил Мантию Рыцаря Зимнего Двора фэйри. Помимо всего прочего, она заставляла меня быть более агрессивным, по сравнению с обычными людьми. В основном я держу её под контролем.

В основном.

Я толкнул дверь левой рукой, достаточно сильно, чтобы она врезалась в плечо и грудь Триппу и повалила его на задницу. Он упал с выражением шока на лице. Трипп был крепким парнем, но в настоящее время я был неоправданно силен. Для моего размера.

— Не возражаешь, если я войду, и мы поговорим? — спросил я, переступая порог его дома.

Большая часть моих магических способностей осталась снаружи — вместе с большей частью силы Зимней Мантии. Мне было немного стыдно за то, что я не дождался приглашения. Это был интересный момент, но оставлю его на потом.

— Кем, чёрт тебя возьми, ты себя возомнил? — закричал Трипп. — Ты знаешь, кто я, на хер, такой?

— Ты сутенёр, — спокойно сказал я. Пройдя мимо него, подошёл к футону и взял несколько писем. — Ты пытаешься вымогать деньги у репетиторской службы под названием «Подсолнух». Ты прекратишь это.

Трипп проследил за мной взглядом, чем мне неприятно напомнил гремучую змею. Это был парень, который мог сделать ядовитый укус в тот момент, когда позволишь этому случиться. Я посмотрел на него, затем проверил самые очевидные места на предмет пистолета и нашёл его со второй попытки под матрасом футона.

— Это моё, — прорычал он.

— Продолжай говорить и, возможно, ты его получишь назад, — сказал я.

Он воспринял это молча. Затем спросил:

— Кто тебя послал?

— Ух ты. Добавь «умение слушать» к своему

и без того впечатляющему набору талантов, Трипп, — сказал я. Пистолет был дешёвым револьвером. Открыв барабан, убедился, что он пустой, и закрыв его бросил ствол на футон. Я просмотрел его почту, пролистал её, бросая обратно в кучу. Там было много счетов с ПОСЛЕДНИМ УВЕДОМЛЕНИЕМ, напечатанным красными чернилами. — Вместе с твоими финансовыми навыками.

— Эй, эта грёбаная почта моя. Это федеральное преступление.

— Только если я возьму её из твоего почтового ящика, — весело сказал я. — А вот надрать тебе задницу и войти в твой дом — это уже пара преступлений. Это всего лишь дружеская беседа, Трипп. Отзови иск против «Подсолнуха».

Его глаза сузились.

— Или что?

Я выдохнул.

— Я мог бы угрожать тебе, но ты из тех подонков, которых даже не хотелось бы соскребать со своего ботинка. Давай просто скажем, что от тебя исходит много негатива. А такие вещи имеют тенденцию возвращаться. С процентами.

— О чем, чёрт тебя возьми, ты говоришь? — потребовал он.

Я пожал плечами.

— Ты получаешь по заслугам, Трипп.

Его глаза сузились.

— Ты думаешь, что испугаешь меня, Гарри Дрезден?

— Умный человек испугался бы меня.

— Ну, а я, твою мать, нет, — сказал Трипп.

— Ладно, проехали. Это слишком просто, — сказал я. — Послушай, чувак. Майя кажется достаточно милым человеком. И я посмотрел этот «Подсолнух», и они тоже кажутся хорошими людьми. Такими, от которых парни вроде тебя должны держаться подальше, понял?

— Я твоё понял знаешь где вертел, — сказал Трипп.

— Ох ты ж, — сказал я. — Ты просто совсем не понимаешь, о чем идёт речь.

Он показал мне свои зубы. Это была не улыбка. На его лице не было испуга. Он действительно был таким. Чем вызывал недоумение. Либо он не знал меня, либо он не знал таких людей, как я, или…

Или, может быть, с этим парнем было что-то не так. Я ощутил некоторую насторожённость.

Трипп небрежно встал, задрал подбородок и посмотрел на меня.

— Гарри Дрезден, да?

— Это моё имя, — сказал я. — Не трепи его.

— Ну, Гарри, мать твою, Дрезден, — сказал он. — Ты залупаешься не на того парня.

— Надо же, неужели ты мне не нравишься, — сказал я. — Честно. Это поразительное достижение.

— Как будто мне не по хер, нравлюсь я тебе или нет, — усмехнулся он. — Если ты собираешься что-то делать, делай. Если же нет, иди и скажи этой маленькой шлюхе, что-либо она появится здесь сегодня вечером с моими грёбаными деньгами, либо я увижу её в суде.

— Нет никаких грёбаных денег.

— Значит, она и тебе набрехала, — сказал он. — Бабы. Видимо, ты настолько туп, что веришь им.

У меня с невероятной силой чесались кулаки. Ими просто не терпелось врезать этому парню по физиономии.

Но я понял, что это не заставит его передумать. Надо отдать должное Триппу, он был твердолобым типом. Может быть, из-за своей глупости, а может, это была какая-то патология, но он не собирался сдаваться. Демонстрации волшебной силы могло бы хватить, чтобы пробиться к его нутру, но этого не произойдёт, если моя магия

будет ждать за его порогом дома.

Вот тебе и возможность подойти к проблеме вплотную. Придётся искать другой подход.

— Подумай о том, что я сказал, Трипп. Это избавило бы тебя от множества неприятностей.

— Ты можешь поговорить с моим грёбаным адвокатом, Гарри Дрезден, — усмехнулся он. — Или можешь оплатить долг шлюхи. А теперь убирайся к чёрту из моего дома.

Он был законным владельцем, и это несло в себе определённую власть в сверхъестественном мире. Я почувствовал небольшой порыв уйти, когда он это сказал, но подавил его.

Я ушёл добровольно, не сказав больше ни слова. Вернулся к «Мюнстромобилю», старому фиолетово-чёрному катафалку с изображением сине-фиолетового пламени, на котором я недавно начал передвигаться по Чикаго, и заревев мотором, уехал.

Может быть, мои способности к запугиванию достигли своего предела. Или, может быть, Трипп был немного сумасшедшим.

Нужно было хорошенько всё обдумать. Самое время устроить черепно-мозговой штурм.

***

Я спустился в свою лабораторию.

Когда моё старое жилище сгорело дотла, а Марконе построил замок на его тлеющих развалинах, от старого дома уцелела лишь одна вещь: подвал. Одно из первых дел, которое я сделал, вернувшись сюда, — это очистил, отремонтировал и восстановил то маленькое подвальное помещение, к которому я привык: стены из шлакоблоков, поставил три стола и стеллажи, в которых хранилась моя новая, медленно растущая коллекция волшебных безделушек и экзотических диковинок. Я мог использовать их в исследованиях, проектировании и производстве любого количества магических инструментов и прочих полезностей.

Длинный стальной стол тянулся по центру лаборатории, создавая рабочее пространство и оставляя вокруг него узкий проход. Я пока не заменил круг призыва в дальнем конце. В моей жизни было достаточно неприятностей, и мне не хотелось намеренно вызывать ещё больше.

На одной из полок, в окружении книг в мягкой обложке, лежал старый, побелевший от времени человеческий череп.

— Боб, — позвал я. — Эй, Боб. Давай сюда, приятель. Нам нужно поговорить.

Через секунду синий свет, который, казалось, исходил от свежевыкрашенных шлакоблочных стен, метнулся по периметру комнаты и вошёл в череп на полке.

Ещё через секунду или два оранжевых огонька зажглось в глазницах черепа, светясь, как маленькое пламя свечей, и он задрожал на полке, щёлкнув зубами, прежде чем череп слегка повернулся на месте и оказался лицом к моему табурету рядом с рабочим столом.

— Вот это да! Управлять этим местом — всё равно что водить монстр-трак, Гарри!

Замок, сам по себе массивное магическое сооружение, спроектированное и построенное в давние времена каким-то седым старым и давно умершим волшебником, нуждался в духовном проводнике, чтобы обеспечить надлежащее функционирование его различных защитных сооружений и функций. Боб был более чем готов к этой задаче, и я подозревал, что он втайне наслаждался своим новым монстр-траком.

— Ты хочешь снова посмотреть «Звёздные войны», босс? — пробормотал Боб.

— Позже. Сейчас мне нужен совет, приятель,

— сказал я.

— Совсем как в старые добрые времена! — пробормотал Боб. — Порази меня!

Я зевнул, сделал ещё глоток кофе и рассказал ему всё о Майе и Триппе Грегори.

— Сначала о главном, Гарри, — серьёзно сказал Боб. — Есть ли хоть какой-нибудь шанс, что горячая училка разденется по ходу дела?

Я потёр бровь.

— Сделаю вид, что это не имеет отношения к делу.

— Я не понимаю, как это может быть, — уверенно сказал Боб. — Но я приму это как данность, если хочешь.

— Будь так добр, — сказал я.

— Перерасчёт, — сказал Боб со странным акцентом, который, как он однажды заверил меня, был забавной ссылкой. — С чего ты хочешь начать?

— С Триппа Грегори.

— Я полагаю, ты уже достал его досье?

— Конечно, — сказал я. — Материалы в публичном доступе получил сам, а за остальным обратился к Роулинсу.

— Роулинс ещё не ушёл на пенсию?

— Решил отложить это после того, как на нас обрушилась Последний Титан, — сказал я. — По-

служной список Триппа Грегори похож на то, что я и так знал: он сутенёр и мелкий торговец наркотиками. В основном кокаин, может быть, употребляет свой же товар. У него нет судимостей за насилие, но полиция считает, что он связан со слишком большим количеством пропавших девушек.

— Ага. Ты думаешь, он их замочил?

— Я думаю, что он гад. Трипп сделал бы это сам или чужими руками, если бы это было в его интересах, и зная о том, что его не поймают. Моё чутье подсказывает, что вероятнее всего, он их продавал.

— Завалим его? — предложил Боб.

— Боб, — сказал я с укором в голосе.

— Хорошо, — вздохнул череп. — Ну в самом деле, просто убей его. Откройте портал в то место, где он получит тематически подходящий конец, брось его туда, закрой портал и иди пить пиво.

Заманчиво в своей простоте. Но в последнее время я видел слишком много убийств.

— Я уже выполнил свою норму по убийствам на год вперёд, — сказал я Бобу. — Это не обсуждается.

— Так почему бы тебе просто не засунуть его в камеру на Пределе Демонов и покончить с этим?

— спросил Боб. — Он не умрёт, никому не причинит вреда, и ты сможешь выбрать для него любое наказание, какое захочешь.

Я вздрогнул. Мой брат в настоящее время наслаждался аналогичным состоянием на острове, и я всё ещё не мог придумать, как вытащить его оттуда, без последующей смерти.

— Это тоже исключено.

— Это одна из тех щепетильных вещей, из-за которых терзает совесть, не так ли? — раздражённо сказал Боб.

— Я думаю, это может быть либо мораль, либо этика, — сказал я.

— Та же хрень только сбоку. Иррациональные и нелогичные ограничения.

— В любом случае, учитывай их.

Боб вздохнул.

— Что ж, — сказал он через мгновение, — мне кажется, у тебя есть всего несколько вариантов.

— Перечисли их, пожалуйста.

— Сначала, — сказал Боб, — ты убедишь его отозвать иск добровольно. Либо ты запугаешь его, либо подкупишь.

— Этот проклятый замок дорого обходится. После того, что я отложил для Мэгги, у меня едва хватит, чтобы управлять им в течение следую-

щих восемнадцати месяцев. У меня не получится просто подкупить его. Кроме того. Трипп использовал бы эти деньги для расширения своих операций и в конечном итоге причинил бы вред большему количеству людей.

— Тогда, вызови что-нибудь уродливое из Небывальщины или Предела Демонов, или сотвори заклинание лицо-полное-плазмы, и скажи ему, чтобы он отвалил.

— Может сработать, — сказал я с сомнением. — Что ещё?

— Поборись с ним в суде! — сказал Боб. — Как Перри Мейсон!

— Я не юрист, Боб, — вздохнул я. — И, вероятно, вышло бы дороже нанять одного из них, чем заплатить ему.

— Да, финансовые отношения во всей красе, — согласился Боб. — А сможет ли сексуальная училка заплатить адвокату сексом?

— Она - нет! — сказал я раздражённо.

— А ты можешь?

— Боб!

— Гарри, — сказал Боб с обидой в голосе, — я просто предлагаю тебе варианты, доступные в пределах твоих иррациональных ограничений. Разве мною было сказано, что это хорошие вари-

анты. У вас с ней нет наличных, и бартер — это ваш вариант.

Я на мгновение нахмурился.

— Мне кое-что пришло в голову.

— Это должно происходить время от времени.

Я оторвал уголок от страницы своего блокнота, скомкал его и щёлкнул по нему пальцем. Он отскочил от скулы черепа.

— Если у Триппа Грегори накопились все эти счета за, то время, что он сидел в кутузке, — пробормотал я, — как, чёрт возьми, может позволить себе адвоката?

— Может быть, он платит сексом.

— Я встречался с этим парнем. Эта сделка пойдёт только в другую сторону, поверьте мне.

Я постучал пальцем по столу и открыл папку, которую дал мне Роулинс, просматривая её в поисках деталей, которые, как подсказывало мне моё подсознание, были где-то там.

— Вот оно, — сказал я наконец. — Адвокат, который представлял его интересы до того, как его отправили в «Понтиак». Некто Талви Инверно, эсквайр. Что ты знаешь об этом парне?

— Позвольте мне провести поиск! — Огоньки в глазницах Боба на мгновение померкли почти до нуля, а затем начали сканировать слева направо.

— О нём не так уж много информации в Интернете. Только публичные записи. Много побед. Но там нет никакой коммерческой рекламы или чего-то в этом роде.

— Это чертовски странно, — сказал я, подумав. — Частный адвокат?

— Google затрудняется ответить, — ответил Боб.

Я медленно вдохнул, размышляя.

— Ладно. Свяжись с Параноиком Гэри. Скажи ему, что мне нужно всё, что он сможет найти на этого парня.

— Есть, — бодро сказал Боб. — Ты думаешь, что сможешь подкупить его адвоката и запугать его?

— Я пока ни о чём не думаю, — вздохнул я. — Но пока это продолжается, собираюсь пойти посмотреть, как отреагирует Трипп Грегори на более сильное давление с моей стороны. Может быть, мне все же удастся его припугнуть.

— Если с первого раза у тебя ничего не получилось, — весело сказал Боб, — тебе, вероятно, нужно придумать план получше.

Я сердито посмотрел на череп и сказал:

— Пусть Гэри достанет мне информацию.

— Будет сделано, о могущественный волшебник! — ответил Боб.

Я хмыкнул, схватил свой плащ и выскочил по лестнице из своей лаборатории, чтобы посмотреть, удастся ли мне пробиться через толстый череп Триппа.

***

Я направился к дому Триппа Грегори после наступления темноты и добрался туда как раз в тот момент, когда молодая женщина, одетая весьма вызывающе, подошла к двери, и её впустили внутрь. У парня была другая женщина? Очевидно, Трипп был из тех, кто тратит деньги не там, где нужно, а там, где хочется. Как, чёрт возьми, он вообще смог найти адвоката?

Я прищурился. Нужно перестать думать о Триппе как об обычном парне. Он был сутенёром. И наверняка действовал так, как некоторые из них, а это значит, что девушка работала на него. Трипп пригласил бы её обслуживать его и заплатить ему причитающуюся долю от её дохода. Адские колокола. Чем больше ему позволяли действовать, тем наглее он становился. Этот парень был таким же вампиром, как и те, с кем я сражался в течение своей карьеры, только более мелким и отвратительным.

И всё же... В конечном счёте, я блефовал. Мне

не хотелось убивать его или калечить, ни с помощью магии, ни своими руками. Он был подонком, но не проявлял жестокости, и всё ещё был человеком. Я не только не осмеливался нарушать Первый Закон Магии теперь, не являлась больше членом Совета, но мне и не хотелось этого делать. Попытка использовать свою магию, ради дела, в которое не до конца веришь, ни привела бы к успеху — заклинание просто бы провалилось.

И это был не обманчивый и скользкий вопрос. Важнейшим компонентом работы с магией была вера в то, что она должна сработать. При слишком частом использовании свои магических способностей, может закрасться достаточно сомнений, чтобы полностью саботировать их или, по крайней мере, сделать доступ к своему таланту нелёгкой задачей.

Что ж. Может быть, Трипп был достаточно глуп, чтобы на него легко было произвести впечатление.

Я подождал, и примерно через сорок пять минут молодая женщина ушла. Через несколько минут после этого Трипп Грегори бодро вышел из своего дома, насвистывая, с ключами от машины в руке. Ему пришлось пройти пешком около половины квартала до своей машины. Я пробормотал

слова и накинул на себя достаточно чар, чтобы убедиться, что он не увидит моё приближение, и по-кошачьи побежал за ним.

Я подождал, пока он поднесет к двери брелок с ключами, затем указал пальцем на новенький BMW, сосредоточил свою волю на простейшем заклинании, которое может сотворить волшебник, и пробормотал: *«Hexus».*

Вырвалась случайная магическая энергия, сила, которая наносила чудовищный урон современной электронике. Но я не рассчитывал, что моё негодование из-за придурка добавит заклинанию ещё больше силы. Это не только повредило брелок, но и волна энергии захлестнула его новую машину, и она с рёвом завелась, включился дальний свет и аварийные огни, багажник распахнулся, все стекла опустились, а автомобильная сигнализация завыла.

Трипп моргнул, глядя на брелок, а затем на машину, и попытался нажать кнопку снова, примерно в то же время, когда заклинание сработало, и искры начали лететь как от брелока, так и от машины, прежде чем всё погасло.

— Грёбаный японский хлам! — зарычал Трипп.

Это... многое о нем говорило.

Я схватил его сзади за спортивную куртку и

швырнул его на капот машины, позволив чарам исчезнуть, так что, когда он с криком завертелся, я появился из размытого тёмного пятна, нависая над ним.

Он потянулся за револьвером.

Я ударил своим посохом по асфальту, и усилием воли заставил руны на нем полыхнуть зелёно-золотой силой. Я снова указал пальцем и прорычал: *«Forzare!»* Невидимая сила ударила по его руке с пистолетом, и револьвер выбило из его рук.

Он попытался снова поставить ноги на землю, и я слегка ударил его в грудь, толкнув обратно на капот машины. Подняв правую руку на манер лапы с когтями, направил в неё свою волю и прошипел: *«Infusiarus!»*

Адский зелёно-белый огонь, как из пасти драконьей формы Малефисенты, зажегся между моими пальцами, отбрасывая нечестивый свет на широко раскрытые глаза Триппа Грегори. Я не дал ему времени подумать. За последние несколько лет мне удалось немного усовершенствовать заклинание в свободные минуты, и между моими пальцами драматично вспыхивали огоньки не совсем настоящего огня. Я должен был быть осторожен с ними — даже магический огонь всё ещё оставался огнём. Большая часть энергии

заклинания была потрачена на то, чтобы не дать ему сжечь меня дотла, оставив лишь довольно небольшую область в открытом пространстве на тыльной стороне моей ладони, куда могло уйти тепло.

— Я предупреждал тебя, Трипп, — сказал я холодным, жёстким голосом. — Но ты меня не послушал.

Он покосился на огонь в моей руке, потом на меня, а затем облегчённо вздохнул и сказал:

— О, Господи Иисусе. На секунду я подумал, что это реально. У меня аж мурашки по коже.

Я моргнул.

— Что? — спросил я несколько растерянно.

Эй, я не привык к такой реакции от гражданских, которым угрожают сферой тлеющей плазмы, ясно?

— Теракт в прошлом месяце? — спросил он, как будто я был идиотом. — Во всех грёбаных новостях? Гидро-что-то-там, химикат в галлюцинаторном газе, который использовали террористы. Я, должно быть, подвергся воздействию или что-то в этом роде, потому что сейчас у меня у меня чёртовы шарики за грёбанные ролики заходят.

Я моргнул, покачал головой и посмотрел на него.

— Слушай, чувак. Я собираюсь расплавить твоё лицо, если ты не откажешься от иска против Майи. — Я прижал свою руку немного ближе. — Поверь мне.

Он закатил глаза и отвёл мою руку в сторону. Мне пришлось скорректировать положение моей руки, чтобы он не получил сильных ожогов.

— Дай мне дух перевести, Дрезден, — сказал он. — Послушай, нет особого смысла пытаться напугать парня, у которого уже глюки. Если ты здесь, чтобы избить меня, покончи с этим. У меня и так дел хватает.

— Мне кажется, ты не понимаешь, что здесь происходит, — сказал я, понимая, что был совершенно прав.

— Неважно, — сказал Трипп. — Я и раньше терпел побои. Не знаю, что ты за бурду применил, но у тебя не хватит духу убить меня. Я изучил тебя. Ты думаешь, что ты герой. Так что, надери мне задницу, сломай руку, сломай коленную чашечку или заткнись на хрен.

Я сделал полшага назад, несколько растерявшись...

Я имею в виду, что видел много реакций на мою магию. Но прямое отрицание никогда не входило в их число.

Трипп продолжил.

— В новостях говорят, что есть какая-то бурда в воде. Наверное, хватанул в душе с Эми. — Он сморщил нос. — Говорят, что нужно просто пойти и полежать в тёмной комнате, пока всё снова не станет реальным. Господи, может, мне, твою мать, так и стоит сделать.

— Я... э-э...

— Слушай, ты думаешь, я не знаю, как работает эта тактика? Ты можешь избить меня, если хочешь. Ты большой парень, а я нет. Но это ничего не изменит. — Он несколько раз моргнул и покачал головой. — Чёртова химия. Покончи с этим или свали.

Я отступил от идиота, опустил руку и выпустил заклинание. Вы не сможете обмануть кого-то настолько непобедимо глупого. Это просто не сработает.

— Фух, — сказал Трипп, когда заклинание исчезло. Он несколько раз моргнул. — Думаю, что, чёрт возьми, прилечь — это хорошая идея. Дрезден, ты ни хрена не умеешь быть крутым. Иди и скажи Майе, что ей так или иначе придётся выложить деньги. Где мой грёбаный ствол?

— Оставь его, — сказал я ему.

— Найти другой будет достаточно просто, —

сказал он и посмотрел на меня. — Подожди. Тебя, твою мать, здесь быть не должно.

Трипп посмотрел на меня, потом на револьвер, затем подошёл и поднял его.

Я не стал его останавливать. Звёзды и камни. Я держал наготове защитное заклинание на случай, если он направит оружие на меня, но Трипп только сунул его в карман своей спортивной куртки и сказал:

— Да, возможно, мне всё это померещилось. Иди на хер. Я иду спать.

И он заковылял обратно к себе домой, оставив меня стоять рядом с мёртвым BMW, чувствуя себя совершенно потерянным. Насколько я мог судить, химия в воде была пропагандистским трюком от имени смертных сильных мира сего, чтобы помочь скрыть массовое присутствие сверхъестественного в Чикаго во время нападения и заставить замолчать любого, кто пытался засвидетельствовать о том, что они пережили. В новостях говорили, что это токсин, который будет действовать какое-то время и может иметь долгосрочные пагубные психические последствия, но мне была известна правда: его не существовало.

Я только что потерпел поражение из-за того, что меня буквально посчитали галлюцинацией,

построенной на отрицании помноженном на самую решительную и мелочную эгоистичную глупость, с которой мне когда-либо приходилось сталкиваться.

Кажется, я уже говорил Бобу нечто подобное раньше: глупость гораздо опаснее настоящего зла, хотя бы потому, что её вокруг гораздо больше. Мне просто не привычно сталкиваться с ней в такой четырёхмерной плоскости, в одном месте и в одно время.

Адские колокола.

Мне нужно было посмотреть на ситуацию под другим углом.

***

На следующее утро, первым делом я встретился с Уиллом и Параноиком Гэри.

Параноик Гэри был худощавым парнем, индийцем из Индианы, со светло-коричневой кожей и карими глазами. Он сбривал волосы по бокам, а на макушке оставлял растрёпанные кудри, и казался очень нервным, когда присел в моём кабинете. Уилл притаился в дверном проёме, его сложенные предплечья выглядели как окорока.

— Привет, Гэри, — сказал я.

— Ты мог бы позвонить, — сказал Гэри, не

встречаясь со мной взглядом. Параноик Гэри был одной из самых печально известных фигур в Паранете. Не было ни одной теории заговора (или сговора кого-либо с кем-либо), в которую он не верил. НЛО, снежный человек, тамплиеры, тайные правительственные заговоры — называйте как хотите, он фанатично преследовал все. В результате он узнал больше правды о сверхъестественном мире, чем многие из его жителей.

Вероятно, это было не очень полезно для его рассудка. Большинству смертных, вероятно, лучше жить, как Триппу Грегори, оградившись от кошмаров своим невежеством. Конечно, всё меняется в тот момент, когда они становятся мишенью того или иного сверхъестественного хищника, но для девяноста девяти процентов из них существование, без осознания, насколько они уязвимы, в конечном счёте, делает их счастливее.

Чёрт. Может быть, правительство не совсем ошибалось, когда придумало историю про подмешанную в воду бурду. Это дало бы большинству возможность оставаться немного более здравомыслящим за щитом отрицания, предложенным правительством. И не похоже, чтобы кто-то вроде Триппа или Майи смог бы противостоять безум-

ным Титанам и древним ужасам из-за пределов известной вселенной.

Когда это я начал сидеть за одним столом с агентом Кеем?

В любом случае. Гэри заглянул за завесу и пострадал за это — но он также обратил свои таланты на помощь хорошим парням, или, по крайней мере, мне и нескольким моим союзникам.

— Ты никому не даёшь свой номер телефона, Гэри, — резонно заметил я.

Он хмуро посмотрел на меня. Ему было чуть за двадцать, и он ещё не привык к мысли о том, что нельзя обижаться на противоречия.

— Луддит.

Он не ошибся, даже если это было непроизвольно. Я напомнил себе, что парень живёт в Интернете и чувствует себя неуютно без телефона, планшета или ноутбука в руках. Он прижимал к груди толстую папку, как плюшевого мишку.

— Ага. Я знаю, что выбираться во внешний мир — это не совсем твой конёк, так что спасибо, что пришёл.

Это, казалось, немного успокоило его. Он кивнул один раз.

— Сначала о главном, — сказал я. — Что-нибудь

слышно о Жюстине?

Он покачал головой.

— Ничего нового. Несколько зацепок. Они на последних страницах. — Он неохотно положил папку на мой стол.

— А что остальное? — спросил я.

— Все, что я смог найти о Зиме Зимнем, твоём адвокате.

Я приподнял бровь.

— Что?

Он вздохнул и кивнул на папку.

— Страница первая, из той макулатуры, ради который напрасно вырубили столько деревьев. Талви Инверно, должно быть, какой-то псевдоним. Это имя состоит из финского и португальского слов, означающих «зима».

Я поднял брови и открыл папку.

Боб Череп имел доступ к кабельному телевидению и интернету, но дух, похоже, всё ещё не понимал, как там всё устроено, несмотря на свою бесплотность. Параноик Гэри, однако, был уроженцем виртуальных миров, и сумел найти гораздо больше Боба.

Я просмотрел страницы.

— Защищает убийц, наркоторговцев и сутенёров. Начал деятельность примерно через год

после того, как Марконе стал Бароном Марконе. — Я запрокинул голову назад, продолжая читать. — И он хорош. Этого не может быть. Девяносто девять процентов его судебных тяжб заканчиваются победой?

— Некоторые высококлассные юристы такие, — тихо вставил Уилл с порога. — Если они не уверены, что смогут победить, они предпочитают договориться.

— Хищники такие же, — возразил я ему. — Делают уверенные ставки. Они не желают вступать ни в какую борьбу, кроме самой нечестной. Но никогда не знаешь, как пройдёт суд. С таким послужным списком, да если он ещё и адвокат в Чикаго, ему похоже, часто удается склонить чаши весов в свою пользу.

— Неважно, — сказал Гэри. — Это говорит о том, что этот парень обязательно обратится в суд и разорвёт твоего клиента на части.

— Так и есть, — сказал я, нахмурившись глядя на одну из записей. — Сколько миллионов? Из благотворительной организации по борьбе с раком?

Уилл присвистнул, наполовину впечатлённый, наполовину обеспокоенный.

— Он безжалостен, — сказал Гэри. — И он нанял

фирму по кибербезопасности, чтобы отслеживать любого, кто пытается найти его.

Я посмотрел на Уилла в поисках ответа.

Уилл приподнял бровь, глядя на Гэри.

— Ты использовали VPN?

Гэри посмотрел на Уилла так, словно тот задал очень глупый вопрос.

— Нет. Я использовал реальные контрмеры. VPN — это блокировки конфиденциальности. И годится только для защиты от мелкой рыбки. От кого покрупнее нужна защита получше.

Уилл выглядел предельно терпеливым.

— Я хочу узнать, Гэри, тебе грозит какая-нибудь опасность?

Он пожал плечами, резким движением плеч, постоянно сжатых слишком сильно.

— Не больше, чем обычно. Я так думаю.

Уилл поморщился и посмотрел на меня.

— Что ты об этом думаешь?

— Адвокат Зима Зимний, скорее всего, из фэйри, — сказал я.

— Ты Зимний Рыцарь, — сказал он. — Разве ты не можешь отстранить его от дела?

Я покачал головой.

— Это так не работает. На самом деле у меня нет никакой реальной власти в Зимнем Дворе.

Только ответственность.

— Это кажется несправедливым, — сказал Уилл.

— В духе Зимы, — ответил я. — Единственный плюс здесь в том, что Зимний Двор — это такое место, где тот, кто бьёт сильнее всех, обычно добивается своего, а я могу бить довольно сильно. Там не так уж много существ, с которыми мне страшно иметь дело.

Параноик Гэри выглядел возмущённым.

— Боже. Это так похоже на двадцатый век.

Я пожал плечами.

— Итак, — сказал Уилл. — Ты можешь пойти и приструнить этого парня?

— Стоит попробовать, — сказал я, глядя на пачку распечаток, собранных Гэри. — И у него есть офис. Который открыт целых четыре часа в неделю.

— Продолжай читать, — сказал Гэри. — На другой стороне улицы есть камера наблюдения. Он там почти каждый день. Просто не встречается с людьми.

Я продолжал читать. Были даже фотографии — зернистые, даже более зернистые, чем обычные снимки с камер наблюдения, которые мне попадались ранее. Я обратил внимание на вре-

менные отметки в углах. Там была секретарша, физически привлекательная женщина и фотографии мужчины в костюме, но я не был уверен, что смогу узнать кого-либо из них, основываясь на качестве изображений.

— А ты не можешь, типа, улучшить изображение?

— Нет, — решительно сказал Гэри. — Потому что у меня нет компьютерной магии как в кино.

Параноик Гэри был вспыльчивым засранцем. Но он был способным вспыльчивым засранцем. Гэри предупредил меня, что адвокат был из паранормальных парней, и дал мне его адрес. И сделал это быстро.

Ну и, кроме того. Вы не поможете людям сгладить острые углы, рассказывая им, насколько они отстойны. Я не всегда так уж сильно отличался от этого паренька.

— Гэри, — сказал я, — ты хорошо поработал. Это очень поможет. Спасибо.

Он моргнул, глядя на меня. Затем ему стало неловко и ещё более неуютно, так что Гэри начал как сумасшедший избегать зрительного контакта.

— Да. Конечно. Вы сами знаешь. Ты спасаешь город и все такое. А я могу кое-чем помочь. Моя

роль.

Я взглянула на Уилла, который наблюдал за мной. Он одарил меня почти незаметной улыбкой и одобрительным кивком.

— Мы проводим игровые вечера каждый четверг, — сказал я. — Карточные игры, настольные игры, иногда ролевые игры. Я, Альфы, парочка детишек Карпентеров и несколько соседних семей, живущих здесь после того, как плохие парни разрушили их дома в прошлом месяце. У нас там есть пицца. Ты должен как-нибудь зайти.

Параноик Гэри пожал плечами.

— Не думаю, что вы играете в какие-либо игры по сети.

— Нет, — сказал я. — По старинке. В живую.

— По старинке, — пробормотал Гэри, как будто это была непристойная фраза. Он на секунду взглянул на меня. — Настоящая пицца?

— Домашняя, — сказал я. — Мы используем смесь для выпечки и хороший сыр. Будешь грязный, как свинья, и тебе ещё понадобиться вилка.

Он нахмурился на это, а затем сказал:

— Хм. Может быть, я зайду как-нибудь.

За его спиной Уилл показал мне большой палец.

***

Я приехал в офис Талви Инверно к югу от Голд Кост на Мюнстермобиле, не делая из этого секрета, припарковался на другой стороне улицы и открыто подошёл к входной двери в своём большом чёрном кожаном пыльнике и с волшебным посохом в левой руке. В моём мире это было то же самое, что появиться в тактической броне и со штурмовой винтовкой в руках. Поэтому, вежливо постучав в дверь, я одновременно с этим сделал пару заявлений.

Никто не подошёл к двери в ответ на мой первый стук. Я постучал ещё раз и стал ждать. Никто не появился. Я постучал в третий раз и вежливо подождал. Затем отступил на шаг от двери и указал на неё концом своего посоха.

Интерком затрещал от статических помех, и мужской голос со слабым акцентом произнёс:

— Подождите, подождите. Нет никакого смысла разрушать апартаменты.

Я дружелюбно опустил свой посох и стал ждать.

Каблуки зацокали по полу, и секретарша открыла дверь в кабинет. У неё были пшеничного цвета волосы и глаза того же оттенка, и она

выглядела фантастически в деловом костюме в клетку. Волоски на моей шее зашевелились. Как и кое-что другое. Она дружески протянула мне руку. Я секунду смотрел на неё, потом поднял глаза на женщину. Мне не было известно, кто она такая, но все, что несёт в себе такую мощную сексуальную энергию, как эта аура, скорее всего, опасно для прикосновения.

— Нет, спасибо, я не хотел вас обидеть, — сказал я. — Гарри Дрезден к Талви Инверно.

Женщина прищурилась, глядя на меня.

— Я слышала о вас, мистер Дрезден. Знаменитый волшебник.

— Я о вас не слышал. Извините.

— Мисс Лапландия, — раздался сочный голос изнутри. — Пожалуйста, проводите нашего гостя со всей вежливостью.

— Да, сэр, — сказала женщина, глядя на меня с очень странным выражением, чем-то средним между гневом и голодом. — Следуйте за мной.

Она повернулась и пошла вглубь офиса. В нем не было окон, а интерьер был выдержан в темно-красных и коричневых тонах, толстый ковёр на полу, тёмное дерево, книжные полки, уставленные юридическими текстами, викторианские напольные часы из красного дерева и готические

доспехи с чем-то похожим на вмятины от мушкетных пуль на нагруднике. Мисс Лапландия шла на три шага впереди меня, сильно двигая бёдрами, и это выглядело превосходно. Она провела меня через приёмную, по короткому коридору, заканчивающемуся кабинетом, который соответствовал остальной части помещения.

Высокий худощавый мужчина сидел за столом лицом к двери кабинета. На нем был чёрный костюм, который подходил к его угольно-черным волосам, зачёсанным назад, и изумрудно-зелёный галстук, который подходил к его изумрудно-зелёным глазам. Он сидел, сложив пальцы домиком, опираясь локтями на край стола, и его блестящие глаза, не мигая, изучали меня, по мере моего приближения.

Мисс Лапландия преклонила колени на ковре перед его столом и склонила голову.

— Сир. Волшебник Гарри Дрезден.

— Спасибо, мисс Лапландия, — сказал он.

— Могу я уничтожить его для вас, сэр? — спросила она, опустив глаза в пол.

— Посмотрим, — сказал он.

Она издала разочарованный, сексуально неудовлетворённый звук.

— Он такой высокомерный. Это прямо сочится

из него.

— Не заставляй меня ревновать, дорогая, — сказал мужчина, слабо улыбаясь ей. — Мы ненадолго уединимся, если ты не против.

— Да, сир, — сказала она. Мисс Лапландия встала, бросила на меня взгляд, который заставил меня задуматься, не хочет ли она наброситься на меня с кулаками или забить меня до смерти ледяным колом, или и то, и другое, и молча вышла из кабинета, закрыв за собой дверь.

— Талви Инверно? — спросил я.

— Это имя, которым я пользуюсь в Чикаго, — сказал он.

— Может, мне использовать ваше настоящее имя?

— На самом деле у меня нет имени, — сказал он. — Полагаю, я могу поблагодарить за это мою мать. Это значительно усложняет для волшебников задачу засечь меня.

Он встал и подошёл к бару.

— Не хотите выпить?

— Для меня немного рановато. Я восстанавливаюсь.

Он налил себе в стакан из графина немного похожий на бренди напиток.

— От чего?

— Выбивал дерьмо из Титана, — сказал я.

Он невесело улыбнулся.

— Я слышал об этом. — Он сделал медленный глоток своего напитка и всё это время его глаза, не мигая, изучали меня. — Что привело вас сегодня в мой офис, мистер Дрезден?

Я изучал его мгновение, чувства волшебника отключились, и сказал:

— Вы член Зимнего Двора.

Он проглотил содержимое стакана, но его глубокий голос выпивка не смягчила.

— Да. Принят ко Двору, так сказать. Королева Мэб сочла нужным предложить мне убежище несколько десятилетий назад.

— Тогда вы знаете, кто я и что я.

— Знаю.

— Вы представляете в суде скользкого мелкого сутенёра по имени Трипп Грегори, — сказал я. — Мне бы хотелось, чтобы вы это прекратили это.

Его брови цвета воронова крыла поползли вверх.

— С чего бы?

— Потому что это хороший офис, — сказал я. — А если вы этого не сделаете, то, возможно, он останется таким недолго.

Талви мгновение изучал меня, а затем пожал

плечами.

— Делайте, как считаете нужным, — сказал он. — Но у меня есть непреложное обязательство перед определённым лицом представлять мистера Грегори в его предстоящих судебных разбирательствах. Ничто из того, что вы сделаете или скажете, не изменит этого.

Я поджал губы.

— Обязательство. В духе фэйри.

— С чем, вы, полагаю, иногда уже сталкивались, — сказал он, — в качестве... как бы это назвать, слуги Зимы? Чаши весов должны оставаться в равновесии — вот почему существа Зимы так умело служат в системе правосудия.

— Это то, что, по-вашему, вы делаете? — спросил я. — Служите правосудию?

Он снова пожал этим плечом.

— Или пытаюсь делать. Так же, как и вы, кажется.

— Подавая в суд на репетиторский бизнес, чтобы сутенёр-слизняк мог быстро заработать?

— Я вообще ни на кого не подаю в суд. Просто предоставляю юридические консультации любому существу со свободной волей, которое это делает. И позвольте мне заметить, что не я разрабатывал вашу систему правосудия, мистер

Дрезден, — сказал Инверно. — Я просто действую в соответствии с её законами, которые порой довольно забавны.

Что-то неприятное блеснуло в глубине его зелёных глаз, и я вдруг почувствовал себя крайне настороженным.

Я оперся на свой посох и посмотрел на него.

— Я все ещё стою на своём, бросьте это дело.

— Боюсь, я не могу этого сделать. У меня есть обязательства.

— Хорошо. Давайте попробуем с другой точки зрения. Что мне нужно сделать, чтобы заставить вас отступить?

— Я должен быть освобождён от своих обязательств, — спокойно сказал он. — Либо королевой Мэб, либо моим доверителем.

Я хмыкнул.

— И других способов нет?

— Боюсь, что вообще никаких.

— Ну, а если предположим, что я убью вас, — сказал я.

Он показал мне очень белые зубы.

— Предположим, вы не сможете.

— Я начинаю думать, что вокруг не так уж много существ, чей день я не могу испортить, — философски сказал я. — Может быть, я начну

портить ваш и посмотрю, к чему это меня приведёт.

— Ни к чему хорошему, — заверил он меня. — Тогда я смогу свободно защищаться от вас, независимо от вашего места в иерархии Зимы.

— В настоящее время в Зимнем Дворе не так уж много существ, из-за которых мне стоит беспокоиться.

Инверно оскалил зубы.

— Это в основном из-за вашего невежества.

— В смысле?

— Уверяю вас, мистер Дрезден, я вполне способен вам навредить. Даже убить, если потребуется.

Он сказал это правильно. Спокойно, ровно, не отводя взгляда от моих глаз. Он не был человеком. Человек вызвал бы душевное потрясение, сказав что-нибудь подобное.

— Так почему же вы ещё ничего не сделали?

— Я предпочитаю оставаться незаметным.

— Или вы не хотите связываться с королевой Мэб.

Он покрутил свой стакан и одарил меня уверенной улыбкой.

— Я думаю, мы оба знаем, что королева Мэб не стала бы тратить много слез на Рыцаря, который

погиб в глупой схватке с существом, о котором он даже не потрудился узнать.

Я хмыкнул, изучая его. Инверно был либо так опасен, как ему казалось, либо заблуждался относительно своей силы, либо был превосходным лжецом. Я неплохо умею угрожать, и он принял мою угрозу без злобы или дискомфорта.

Проблема была в том, что я чувствовал, что он был членом Зимнего Двора. Пока Талви был на хорошем счету у Мэб, мне нельзя было просто прийти и побить его, у меня самого могли бы быть большие неприятности. Мэб не любила, когда кто-то связывался с её подданными, и я чертовски хорошо знал, что за столетия она приютила множество бродячих существ огромной силы, которые могли нагнуть меня и выпороть, если бы захотели. Конечно, сражение с Титаном — избитым, окровавленным, в синяках, измученным Титаном, которую до меня избивали все сверхъестественные боссы в поле зрения. Я был Зимним Рыцарем совсем недолго. Но был бы дураком, если бы думал, что знаю каждого крутого парня в Зимнем Дворе.

У меня не было уверенности, что Инверно был таким уж крутым, как он говорил.

Но я также не смог бы продержаться в своём де-

ле так долго и выжить, рискуя глупо и вслепую .

Кроме того. В последнее время в моей жизни было много крови.

— Хорошо. Попробую ещё немного поиграть в эту игру. Кто ваш доверитель, чтобы я мог связаться с ним?

— Я уверен, что это совершенно очевидно, мистер Дрезден, — сказал Инверно. — В настоящее время я нахожусь на службе у Барона Джона Марконе.

***

Джентльмен Джон Марконе, глава преступного мира Чикаго, ставший Бароном, получившим этот титул будучи первым в истории простым смертным и присоединившимся к Незримым Соглашениям — не без помощи вашего покорного слуги.

Знаю, знаю. Тогда это показалось хорошей идеей.

Только теперь я узнал, что он больше не был простым смертным — а проблем Марконе мог доставить и оставаясь обычным человеком. Он был чертовски умён, хитёр, дальновиден, и, учитывая его кучу денег, опытных наёмников и тщательную подготовку, Марконе представлял

собой угрозу, ничуть не меньшую, чем любое количество сверхъестественно могущественных чудаков.

Теперь он был ещё и сверхъестественно могущественным чудаком, и это ни в малейшей степени не изменило его схемы действий. Марконе всё ещё был чертовски скрытен, у него все ещё были деньги, наёмники и годы безжалостных драк за улицы — и знания буквально проклятого Богом ангела, чтобы поддержать его.

Честно говоря, мне нравилось противостоять Марконе. Он был придурком. Я неоднократно выражал ему своё недовольство, выбивая его двери, и сделал бы это снова, если бы пришлось.

Но когда я с бился с Титаном, только один Марконе стоял со мной плечом к плечу.

Когда я собрал небольшую армию, чтобы защитить Чикаго в самые отчаянные часы атаки Титана, Марконе сделал то же самое, только, возможно, более эффективно, чем я. Когда моим людям понадобилось оружие, его предусмотрительность (и Мэб) обеспечила нас им.

И когда я был беспомощен в первые мгновения после того, как наложил оковы, которые победили Титана, именно Марконе спас мне жизнь.

Это было не то, что я мог просто игнорировать.

Как никогда, он был тем дьяволом, который мне знаком. Мне не нравился Марконе и он никогда бы не смог понравиться.

Но, размышляя над тем, как к нему подступиться, мне удалось обнаружить в себе кое-что неприятное: я стал уважать его. Уважал его за то, насколько он был опасен. Уважал за его способности. Уважал за его готовность подвергнуть себя личной опасности, чтобы защитить то, что он считал своим. И в этом осознании я увидел, что не могу испытывать к нему уважение и одновременно относиться к нему с презрением.

Итак, я сделал то, чего никогда бы не сделал несколько лет назад. Я позвонил заранее.

Марконе попросил меня прийти в одни из его апартаментов, чтобы встретиться с ним. Они находились на юго-восточной окраине Голд Кост, и были уничтожены Этниу и Оком Балора. Через неделю это было первое разрушенное в результате нападения строение, которое было очищено от обломков и подвергнувшееся реставрации. Спустя всего месяц уже начал появляться стальной каркас, и сотни рабочих деловито отстраивали здание, которое было ещё крепче, чем вначале.

Марконе был придурком. Но он кормил много ртов. И мне понравился вызов, присущий рестав-

рации. Проклятье.

Мисс Гард встретила меня у ворот на строительную площадку. Валькирия была одета в свой обычный костюм, но была обута в рабочие ботинки со стальными носками, и носила белую каску поверх её золотистых волос. Она также вручила мне каску, и я надел её. Гард была... ну, из не очень хороших ребят, но она была твёрдой как скала. Мы оба потеряли близких нам людей во время нападения.

...губы синеют...

Я стряхнул это с себя с дрожью в плечах и спине и последовал за ней через стройплощадку к трейлеру с дверью посередине с одной стороны. Я подошёл к нему, и по её кивку открыл дверь и вошёл внутрь, в по спартански обставленное, функциональное офисное помещение со стальным столом. За столом сидел Джон Марконе.

На нем был его обычный безупречный костюм, хотя пиджак висел на крючке, а следы пота на подмышках и слегка растрёпанные волосы свидетельствовали о том, что большую часть утра он провёл на улице в каске. Марконе изучал пачку бумаг закреплённых на планшете, проводя ручкой по планам работ, время от времени останавливаясь, чтобы подписать документы.

— Дрезден, — сказал он, не поднимая глаз. — Я занят. Надеюсь, это не займёт много времени.

— Да. — Я проглотил горький ком во рту и сказал. — Спасибо, что сразу же приняли меня.

Марконе резко отложил ручку и посмотрел на меня.

— О, — сказал он. — Пожалуйста.

Я усмехнулся ему.

— Мне это тоже не нравится.

Он на секунду обнажил зубы.

— Вы знакомы со стоиками?

— Немного.

— Препятствие — это путь, — сказал Марконе. — Особенно когда вы, в частности, являетесь препятствием. Я предпочитаю убрать вас с дороги как можно скорее. Изложите своё дело.

— Талви Инверно — ваш адвокат. Он представляет интересы мелкого сутенёра по имени Трипп Грегори. Я хочу, чтобы вы приказали ему прекратить это дело.

Взгляд Марконе стал отстранённым, как будто он обращался к мысленной записной книжке.

— Трипп Грегори один из моих солдат.

— Он отвратительный, глупый, мелкий сутенёр, — сказал я. — Трипп преследует женщину, которая руководит репетиторской службой, и

собирается вывести её из бизнеса.

Марконе на мгновение задумался, а затем элегантно пожал плечами.

— Ваша оценка столь же точна, сколь и наивна. Как вы думаете, Дрезден, сколько порядочных, высокоинтеллектуальных сутенёров выходят на поле боя?

— Меня не волнуют ваши кадровые проблемы. Я просто хочу, чтобы дело было прекращено.

— К несчастью для вашей тонкой душевной организации, Трипп Грегори обладает единственной добродетелью, которую я требую от своих людей: преданностью. Он только что отсидел восьмилетний срок, который отбыл, потому что отказался дать показания против меня.

— Всё равно наплевать, — сказал я.

— В моём бизнесе, — сказал Марконе, — лояльность — это ценность, гораздо более значимая, чем деньги. Такую преданность следует уважать. Вы, несомненно, можете это понять.

Я понял. Но сердито посмотрел на него так, как будто не понимал.

Один уголок его рта слегка приподнялся.

— Трипп Грегори сделал, как ему было приказано, — сказал Марконе. — Он доказал, что свой человек. Поэтому я буду всячески содействовать

ему в юридических вопросах, потому что поступить иначе означало бы поставить под угрозу преданность других членов моей организации.

Я нахмурился и сказал:

— Это звучит как проблема Джона Марконе, а не проблема Гарри Дрездена. Найдите способ решить её.

Он медленно моргнул один раз и мягко спросил:

— Или?

Я показал ему свои зубы.

— Насколько сильной головной боли вы хотите?

Марконе отложил ручку и сложил пальцы домиком — жест, который, как я понял, Талви Инверно скопировал у него. Это придавало ему уравновешенный, вдумчивый и решительный вид. И всё это, вероятно, было правдой.

— Дрезден, — сказал он, — когда вы не согласны со мной и моими действиями, это одно дело. Мы с вами несколько раз вступали в спор именно из-за этого. — Марконе внезапно положил ладони на стол. Я не то чтобы вскочил со стула, но вздрогнул. — Но сейчас вы вмешиваетесь в дела одного из моих людей. Будьте уверены, что, если вы продолжите это делать, я начну точно так же

вмешиваться в ваши дела.

Меня прошиб холодный озноб. Марконе опутал своими щупальцами весь город. Если бы он хотел добраться до кого-то, то добился бы этого. Существовало неограниченное количество способов, как в рамках закона, так и за ними, которыми Марконе мог доставить неприятности обычному гражданину. Или даже не очень обычному.

— Например, тот маленький паб, который вам так нравится, нарушает ряд городских санитарных норм, — сказал Марконе. — Кто-то вроде Триппа Грегори вряд ли входит в компетенцию бывшего Волшебника Белого Совета. Или пойдите за ним лично, Убийца Титанов? Это просто… лишено равновесия. Окажу вам любезность, предположив, что вы уверены, что я более чем готов уравновесить чаши весов в пользу одного из моих людей.

— Ваш парень начал это, — прорычал я.

— И ваша клиентка подписала контракт, о котором идёт речь, и теперь пытается отвертеться, — ответил Марконе.

Секунду я пристально смотрела на него, размышляя. Затем сказал:

— Я слышал, у вас есть правило для ваших солдат. Не трогать детей.

Затем что-то промелькнуло в его глазах. Немного. Но искра. Может быть, то, что осталось от его человечности.

— И? — он спросил.

— Трипп Грегори безрассуден. Ему не удастся достичь своих предполагаемых целей, продолжая это дело. Но он собирается навредить детям, — сказал я. — Косвенно, в долгосрочной перспективе, но Трипп все равно причинит им боль.

Я хотел сплюнуть, но держу пари, что Марконе в эти дни думал о долгосрочной перспективе и добавил:

— Детей, которые не вырастут богатыми потребителями, различных пороков, которые вы контролируете.

Марконе прищурился, и его пальцы вернулись в исходное положение.

— Пожалуй, это сильный аргумент. Я не люблю неэффективность. — Он покачал головой. — Но я не могу отказать в поддержке верному солдату, так же как вы не можете отдать мне одного из своих.

Он на мгновение задумался. Затем он сказал, нарочито медленно:

— Вы отняли у меня мой замок.

— Да, это так, — сказал я.

Он кивнул мне головой.

— Хорошо сыграно.

Я моргнул. Мне и в голову не приходило, что, поступив так, заслужу уважение Марконе. Я не был уверен, как к этому относиться.

— Я не могу отдать вам одного из своих людей, — продолжил Марконе. — Единственное, могу вам дать один совет относительно мистера Грегори. Хотя мне кажется, я не должен давать его человеку вашей предполагаемой профессии.

Я хмуро поглядел на него.

— Какой совет?

Он одарил меня акульей улыбкой.

— Следуйте за деньгами.

— Ха!

Он снова взял ручку и блокнот.

— Сокамерник Грегори, — сказал я. — Мне бы хотелось поговорить с ним. Как любому старомодному частному детективу без магических способностей.

Марконе прищурился, изучая свои планы работ. Он поднял глаза и одарил меня тем же непроницаемым взглядом, который я получил бы от слегка заинтересованного тигра.

— Очень хорошо. Он будет доступен.

Я встал, кивнул ему и ушёл. Гард ждала меня,

и я сказал ей:

— Мне нужен телефон.

Валькирия, не говоря ни слова, отвела меня в другой трейлер и кивнула на телефон. Я позвонил Уиллу.

— Свяжись с Бобом и Параноиком Гэри. Мне нужна дополнительная информация. — Я сказал какая именно. — Перезвоню узнать через пару часов. Отмени все сегодняшние встречи. Я еду в «Понтиак».

***

Тюремные комнаты для свиданий не всегда похожи на те, что вы видите по телевизору, по типу кабинок со стеклом и телефонами для разговоров.

В «Понтиаке» не было телефонов, только несколько дырок в оргстекле.

Хуан Хулио Халверсон был крупным, весёлым мужиком лет пятидесяти пяти, с тёмно-бронзовой кожей, чёрными волосами до плеч и серебристой бородой. У него на щеках было вытатуировано достаточно слез, чтобы выглядело так, будто рыдал в три ручья, и он сидел развалившись на стуле, когда я, наконец, пришёл на встречу с ним.

— Итак, — сказал он. — Ты парень-волшебник.

— Я парень-волшебник.

— Мне пошутить про Гарри Поттера?

— Пожалуйста, сделай это. Я часто это слышу в свой адрес.

— У тебя все шрамы неправильные, — сказал он, ухмыляясь. — Где твои очки. Думаю, тебе действительно нравится держать свою палочку.

— Бывало и похуже, Хуан Хулио.

— 3-Х, — сказал он. — Здесь.

Я ответил на его ухмылку, не позволяя ей попасть в мои глаза.

— Блок сигарет, если ты сможешь ответить на несколько вопросов, 3-Х.

Он добродушно развёл своими большими, покрытыми шрамами руками.

— Я не крыса, начальник.

— Два блока.

— Дело не в блоках, каброн, — сказал он, и его взгляд стал жёстче. — Мне сказали, что я должен встретиться с тобой. Ладно. Хорошо. Но я ни хрена не обязан говорить тебе.

Я кивнул.

— Вопросы касаются Триппа Грегори.

3-Х задумчиво откинулся на спинку стула.

— А-а-а. Этот мудак.

Он начал мне нравиться немного больше.

Параноик Гэри сказал мне, что 3-Х долгое время был громилой Марконе, и теперь он довольно безбедно отбывал срок после того, как избежал смертной казни. Ходили слухи, что, когда кому-то нужно было купить что-то в «Понтиаке», 3-Х был человеком чикагской мафии. Возможно, он и сидел в тюрьме, но у него там был статус — и, вероятно, 3-Х знал достаточно, чтобы стать проблемой для организации, если к нему не будут относиться с уважением.

— Мне не интересуют дела мафии. Я ищу личную информацию.

Он посмотрел на меня, а затем медленно кивнул.

— Организуй три блока. Я тебя послушаю. И скажу, что думаю.

Я посмотрел на него, затем встал, договорился с охранником и заплатил наличными. Моих кредитных карточек, когда они у меня есть, хватает примерно на десять минут, прежде чем магнитная полоса сгорит. Даже не спрашивайте об этих штуках с микрочипами. Я вернулся в кабинку и показал ему квитанцию.

— Хорошо, — сказал он. — Спрашивай.

Я пожал плечами.

— Расскажи мне о Триппе.

— Ты встречался с ним? — спросил 3-Х.

— Пару раз.

— Тогда ты уже знаешь, кто он, — сказал 3-Х. — Именно тот кем тебе кажется. Скользкий мелкий сутенёр, самодовольная задница, но не мягкотелый. Много жаловался на то, что у него нет тут баб. Много крутился и вёл дела здесь, достаточно умён, чтобы играть честно, но слишком туп, чтобы много зарабатывать.

— Он пытался заработать здесь деньги?

— Конечно, — сказал 3-Х. — Всё может получиться, если знаешь, как. Только придумать надо что-нибудь для этого.

— Но он этого не сделал?

Здоровяк фыркнул.

— Да чёрта с два. Трипп из тех, кто всегда готов сорвать большой куш, да? Он будет рисковать на ставках, пока не проиграет. Если хочешь вести дела проявляй осторожность и радуйся синице в руке.

— Вот как его поймали, — догадался я.

Он ткнул в меня указательным пальцем.

— Именно так, начальник. Единственное в чем он разбирается — это как управлять шлюхами. — Он помахал рукой. — С этим у него всё в порядке. Поэтому у него были деньги, чтобы подставить

самого себя под удар.

— Обвинение в торговле наркотиками, — сказал я.

Он пожал плечами, но выражение его лица подтвердило то, о чем я спросил.

Я думал об этом.

— Итак, Трипп управлял девками достаточно долго, чтобы заработать достаточно денег, для получения доли от наркоты в качестве дилера. Как долго он играл на этом? — 3-Х фыркнул. — Около недели. Потом он нанял какую-то сучку из УБН работать на него. Идиот.

— Трипп потерял весь товар, — сказал я.

Он снова пожал плечами, не сказав «очевидно».

Я откинул голову назад.

— Но Марконе поддерживает его. Так что он не сделал ничего плохого Марконе.

— Тупой ублюдок имел дело с поставщиком в Сент-Луисе, — сказал 3-Х. — А это суровый город.

Я выпрямился на стуле.

— Вот почему Грегори пытался делать деньги внутри.

— Да, чёрт возьми, — сказал 3-Х. — Мистеру Марконе всё равно, если его люди занимаются небольшим сторонним бизнесом, пока получает

свою долю. И своё он получил первым.

— А Сент-Луис — нет, — предположил я.

— И они хотят получить с процентами, начальник.

Я откинулся на спинку стула и выдохнул. Вот почему Трипп Грегори охотился за Майей и её бизнесом. Он был в отчаянии.

— Допустим, они злы на него, — сказал я.

3-Х фыркнул.

— Они зароют его.

— Марконе допустит подобное?

— Сутенёров всегда навалом, начальник. Мистер Марконе любит осторожность. Пока Сент-Луис ведёт дела незаметно, ему всё равно. Просто бизнес.

— Значит, здесь Грегори был в безопасности от них?

3-Х пожал плечами.

— Мистер Марконе решает, кому здесь оказывать помощь. Трипп не был стукачом. Марконе сказал, что его нельзя трогать. Итак, Сент-Луис решает подождать, и, возможно, возместить свои потери. — Он покачал головой. — Тупица мог бы остаться здесь ещё на пару лет. Может быть тогда, ребята, которым он задолжал, к тому времени вышли бы из бизнеса. Но Трипп устал от того, что

у него не было баб.

3-Х опять покачал головой.

— У некоторых мужиков просто нет мозгов для бизнеса.

— Расскажи мне об этом, — попросил я. — Сколько он сказал им должен?

— До хрена. Тысяч сто. Плюс проценты. Каждые пару дней он записывал это на бумаге и жаловался на это. Должно быть, уже четверть миллиона. — 3-Х наклонил голову. — Трипп пытается отжать у кого-то деньги, да? Вот почему ты здесь.

— Да. Что-нибудь ещё можешь рассказать мне о нём?

3-Х почесал за ухом.

— Парень — проныра. Ты когда-нибудь пытался снять ласку с курицы?

— Нет.

— А я пробовал, — сказал 3-Х. Он поднял руку и показал мне кучу шрамов на внутренней стороне указательного пальца. — Они мелкие. Но так просто не сдаются, начальник

— Я тоже.

***

Я вернулся в замок ранним вечером и направился прямо в свой кабинет.

— Боб.

Синий свет пронёсся по стене, устремился к черепу и разгорелся в виде оранжевых светящихся огоньков внутри глазниц.

— Йоу.

— Кто ты теперь, Сталлоне?

— Адриана! — сказал Боб, ужасно имитируя Рокки. — Я сделал это!

Я хмыкнул и откинулся на спинку стула.

— Что ты выяснил о Талви Инверно?

— Ну, босс, — сказал Боб. — Есть хорошие новости и ужасные новости.

— Это хорошо, — вздохнул я. — Давай выкладывай.

— Хочешь верь, хочешь нет, но вокруг не так уж много безымянных существ, взаимодействующих с обществом, — сказал Боб. — Я имею в виду, в этом есть смысл, верно? Если ты попадаешь в фольклор, то получаешь имя, чтобы все могли говорить о тебе.

— Конечно, — сказал я. — Уникальная идентичность — это нечто общее практически для всех.

— Ага, — сказал Боб. — За пределами роя или, может быть, стадного разума индивидуальность — это своего рода способ устройства вещей, который требует индивидуальных обозначений. Итак,

в фольклоре существует, может быть, несколько десятков безымянных сущностей, и в основном никто не слышал о большинстве из них, потому что, ну, они безымянны, и о них довольно трудно говорить. Это просто ад для пиара.

Я снова хмыкнул и включил старую кофеварку. Майкл достал её для меня, и она оказалась очень надёжной.

— Хорошо, итак, безымянность, какое преимущество оно даёт этому парню?

— Всё, что ты можешь себе представить, — сказал Боб. — Нельзя использовать его Имя против него, потому что у него его нет. Будет крайне сложно каким-либо образом принудить его с помощью магии, найти его с помощью заклинаний прорицания, и всё в таком духе.

— Он волшебный Джейсон Борн.

— Я не знаю, может ли он сражаться ручками и свёрнутыми журналами, но да, это довольно близко. А теперь расскажи мне ещё раз о его горячей помощнице.

— Мисс Лапландия. Она сильно напугала меня, к тому же от неё шёл сильный сексуальный заряд. Не совсем Лара Рэйт, но достаточно скверно.

— Скверно? — сказал Боб.

Я потёр одну бровь костяшками пальцев.

— Слушай, от неё идёт какое-то сексуальное воздействие, и она, казалось... хммм. Высокомерие, казалось, завело её, в потенциально жестоком убийственном смысле. Но в то же время она была полностью подчинена Талви.

— Так, хорошо, — сказал Боб, явно разочарованный тем, что я не дал параметров тела или фотографий, — учитывая её имя и псевдоним, который выбирает Талви, Параноик Гэри и я...

Я моргнул.

— Ты отдаёшь должное кому-то другому?

Череп каким-то образом изобразил хмурое выражение лица.

— Что ж, я должен признать, что череп этого парня стал бы отличным подспорьем, если ты когда-нибудь решишь сделать мне новую квартиру. Он странный, но его разум хорошо организован.

— Боб, я не собираюсь... фу, — раздражённо вздохнул я. — Я не собираюсь обезглавливать кого-то и тратить годы на то, чтобы зачаровывать его череп, чтобы у тебя был летний домик.

— Ой, — невинно сказал Боб. — Нет. Конечно же нет. Это так мысли вслух.

Кофе начал капать и источать приятный запах.

— Давай дальше.

— Параноик Гэри и я думаем, что ты имел дело с божеством или, по крайней мере, с полубогом.

— Господи Иисусе, — сказал я.

— Нет, этот парень финн, а не еврей, — серьёзно сказал Боб.

Я решил оставить все как есть.

— Он финн?

— Ты же знаешь богиню Ловиатарм, верно?

— Дева Боли?

— Это ты о версии из старой редакции «Подземелий и Драконов», — сказал Боб. — Настоящая, вероятно, была ведьмой, достигшей апофеоза.

— Апофеоза?

— Вознесение к бессмертию и божественному уровню власти, — бодро подсказал Боб. — Как Кеммлер, но она сделала это намного лучше и без разжигания мировых войн.

— Хорошо, — задумчиво сказала я, не сводя глаз с кофейника. — Как это связано с делом, Боб?

— Ну, у неё была куча отпрысков, — сказал Боб. — Девять из них назывались «девять болезней», и она послала их против финского героя-волшебника Вайнамойнена.

Я чихнул. Полное совпадение.

— В любом случае, — сказал Боб. — Они не очень хорошо справились, и их замочили. Но у неё был

десятый сын, которого она изгнала.

— Почему изгнала?

— Я думаю, от него было слишком много хлопот, — сказал Боб. — Она не дала ему имени, что дало бы ему ещё больше силы и власти. У него было много магии, и он был изгнан в мир людей, чтобы сеять раздор и вражду. Это вроде как его смысл существования. Кое-кто из волшебников, на которых я работал, сталкивались с ним время от времени, и в итоге он стал работать на Кеммлера и помог ему развязать пару мировых войн.

— Дай угадаю, — сказал я. — Мэб зафонбрауни-ла его после этого.

— Чего? — сказал Боб.

— Вернер фон Браун и Операция «Скрепка», — уточнил я. — В рамках этой операции правительство США после войны захапало себе кучу немецких учёных-ракетчиков и исследователей, использовав их, чтобы начать космическую эру.

— Ооо. Ну, я думаю, так оно и было. Когда конфликт был исчерпан, в разных местах скопилось много отбросов. Безымянный сын в конечном итоге искал защиты под знаменем Мэб. С тех пор он стал вассалом Зимы — следовательно, Зима Зимний.

— И Мэб оставила его в мире смертных, зна-

комя с их властными структурами, — сказал я. — Предположительно для того, чтобы она могла использовать его для разжигания раздора и вражды, если ей когда-нибудь это понадобится.

Кофе закончился, но у меня не было уверенности, что мой желудок сможет принять его ещё. Я начал работать на Мэб, потому что сам нуждался в убежище — сейчас даже больше, чем когда-либо, особенно теперь, когда Белый Совет дал мне пинка под зад. У неё был кодекс чести, в котором нельзя было усомниться, но она также не обладала особым сочувствием или состраданием. В конечном счёте, Мэб была своего рода защитницей мира смертных, но, если бы она решила, что лучший способ защитить этот мир — это заставить смертных вцепиться друг другу в глотки в конфликтах, в которых погибнут миллиарды людей, она бы спасла все тем же крепким сном, сделав это. Если Мэб вообще спала. Я действительно не был в этом уверен.

Я демонстративно налил кофе, добавил сливок и много сахара и отхлебнул, бросив вызов своему желудку.

— Хорошо, — сказал я. — Итак, он — главная плохая новость. Почему Лапландия — это наводка?

— Ну, Талви, по сути, финский волшебник-шаман, — сказал Боб. — В своё время, до того, большинство из них вошли в Белый Совет, а в основе их силы лежало бахвальство.

— Бахвальство?

— Как будто ты никогда не делал этого перед боем, — пожаловался Боб.

Я склонил голову набок. Он не ошибся. Иногда было важно дать плохим парням понять, с кем они имеют дело. А может быть, важно было напомнить себе, с кем они имеют дело. В любом случае, мне доводилось рассказывать о себе перед боем, чтобы утвердиться в своей личности.

— Согласен, — сказал я.

— Их врагами были лапландские ведьмы, — сказал Боб. — Не такие, как смертные женщины. Это карги-ведьмы, отпрыски Ловиатарм, размножающиеся среди людей. Они патологически ненавидели финнов и делали с ними всякие ужасные вещи, когда могли.

— Итак, мисс Лапландия, скорее всего, карга-ведьма — я видел не её истинный облик.

— Вероятно, нет, босс, — весело сказал Боб. — Моё предположение? Она лапландская ведьма, которая проиграла свою попытку сексуального порабощения колдуна уровня полубога, получи-

ла своё собственное заклинание обратно на себя, и, скорее всего, сама является чертовски сильной колдуньей. И, вероятно, негодует о своей судьбе, и я предполагаю, что ей не нравятся мужчины вообще и волшебники в частности.

— Весело. О каком уровне силы идёт речь?

— Стражи победили их при соотношении три к одному, когда они сражались с ними в пятнадцатом веке.

— Ау, — сказал я. — Как получилось, что Лапландия и Инверно работают на долбаного Марконе?

— Обсуди это с Мэб, — сказал Боб. — Но, основываясь на судебных протоколах Инверно, похоже, что она отправила эту парочку в мир смертных вскоре после того, как Арктис Тор был уничтожен.

Я нахмурился.

— Она им не доверяет.

— Парень — полубог раздора и вражды, — сказал Боб. — Может быть, это просто висит вокруг него, как ядовитое облако радиации. Может быть, Мэб хотела, чтобы он хранился где-нибудь ещё, а не на её собственном заднем дворе. Или, может быть, она сделала это, чтобы посмотреть, сможет ли Марконе справиться с ним. Я имею в виду, ты должен признать… посмотри на Чикаго, босс.

Раздор и вражда здесь в порядке вещей.

— В точку, — пробормотал я и выдохнул. — Насколько крутым может быть этот безымянный сын?

— Ну, — уклончиво ответил Боб. — Не Титан. Но он и не та проблема, которую можно решить ударом кулака.

— Я довольно сильно врезал Титану.

— Да, после того, как она несколько часов дралась на ринге со всеми тяжеловесами, разрушила город и едва держалась на ногах, когда ты набросился на неё с бейсбольной битой, — сказал Боб. — Да ладно, босс.

Я нахмурился.

— Если он так крут, — сказал я, — почему Мэб тоже не выставила его на ринг?

— Вам там и без него не хватало раздора и разногласий в вашей команде? — спросил Боб.

Я хмыкнул.

— В точку. Снова.

— Я хорошо разбираюсь в этом.

— Какая у него слабость?

— Босс?

— У каждого из этих фольклорных уродов есть какая-нибудь слабость.

— Ну, — сказал Боб, деликатно кашлянув, — его

слабость отчасти такая же, как и у тебя.

— А?

— Он живёт под эгидой Мэб, — объяснил Боб. — Без этого у него будут проблемы, ну знаешь, с возможностью дышать, из-за всех врагов, которых он нажил. Вероятно, в этом весь смысл, почему он живёт довольно скрытно.

Боб откашлялся.

— Босс. Может быть, тебе стоит подумать о том, чтобы отказаться от этого.

— А?

— Слушай. Я знаю, ты хочешь помочь горячей училке…

— Репетитору.

— Неважно. Но ты лезешь в глубокую воду с довольно крупной рыбой, и ты даже не получишь за это никакого вознаграждение. Я имею в виду, не похоже, что эта училка умрёт или что-то в этом роде. Или кто-нибудь из детей.

— Дело не в последствиях, Боб. Всё дело в принципах.

— Сначала учителя, теперь директора.

— Ха, — сказал я. — Дело вот в чем: Трипп Грегори. Он не имеет права так поступать с Майей. У него есть средства, и, может быть, у него есть власть, но у него нет права.

— Мне это кажется подозрительным, босс, — пробормотал Боб. — В значительной степени всё, что ему нужно, — это средства и власть.

— Я говорю о другом, — твёрдо сказал я. — Майе нужна помощь, и мне по силам ей помочь. И если всё это связано с властью и средствами, прекрасно. У меня тоже есть кое-что из этого.

Я покачал головой.

— Но дело не только в этом. Он не должен был так поступать с хорошими людьми — разрушать их жизни и лишать их средств к существованию. Не имеет значения, кто он и что накопил на своей стороне. Это неправильно.

— И что? — спросил Боб.

— Значит, когда ты видишь, что происходит что-то неправильное, ты делаешь все, что можешь, дабы это исправить.

— Даже если ты, вероятнее всего, проиграешь?

— Если я ничего не сделаю, она определённо проиграет. Я должен попытаться.

— Даже если это означает, что ты должен пойти и рассказать Мэб о своих поисках ветряной мельницы, так, Дон Кихот?

Я сглотнул.

— Может быть, до этого не дойдёт. Гэри достал то, что мне было нужно?

— Посмотри на стену, — сказал Боб, и его глаза вспыхнули ослепительно белым светом.

Я вздрогнул и посмотрел на стену напротив черепа. На камнях замка был изображён белый квадрат. Затем Боб издал чирикающий звук, и на нем появилось текстовое сообщение, как будто с телефона:

И ещё кое-что, Гэри. Босс говорит, что ему нужно знать, как связаться с тем единственным адвокатом, который на самом деле победил Талви Инверно в суде. — Боб.

Это текстовые сообщения, чувак. Тебе не обязательно их подписывать. Неужели у вас там все такие же луддиты, как Дрезден?

Было написано в ответном сообщении, на этот раз в зелёном поле с белыми буквами.

Следующее сообщение было адресом.

Я наклонился вперёд, вглядываясь.

— Максимиллиан Валериус, эсквайр, — пробормотал я. — Какое банальное имя.

Боб издал сдавленный звук, и я хмуро посмотрел на него через плечо. Затем достал ручку и бумагу и записал адрес человека, который победил полубога раздора в суде.

— Босс, — сказал Боб, — я думал, ты не можешь позволить себе влиятельного адвоката.

— Я не могу позволить себе дорогого, — сказал я. — Но, если этот парень однажды побил безымянного сына в открытую в суде, возможно, он захочет сделать это снова по дешёвке.

Боб фыркнул.

— Ну конечно.

— Что ж. Посмотрим. Я должен кое-что попробовать.

***

Максимиллиан Валериус работал из своего дома в жилом районе Парк-Уэст.

Я подъехал к указанному адресу, посмотрел на дом и дважды проверил написанное, потому что это было не то место, как мне казалось, должен жить дорогостоящий адвокат.

Жилище Валериуса лучше всего можно было бы описать как «причудливое». Во-первых, его дом был выкрашен в яркий канареечно-жёлтый цвет с небесно-голубой отделкой. На переднем дворе рос большой дуб, а также стояла высокая проволочная изгородь и курятник. Дюжина кур дюжины разных оттенков и узоров перьев кудахтали по двору под сонным присмотром бассет-хаунда. У дома не было подъездной дорожки, но машина, припаркованная перед ним, была

старым седаном, выпущенным где-то сразу после Второй мировой войны, и на его персональном номерном знаке было написано «АДВОКАТ».

Я вылез из Мюнстермобиля в знойный летний вечер и, прищурившись, посмотрел на дом. Окна были открыты, и были видны полдюжины вентиляторов, вращающихся перед ними, набирающих воздух с затенённой передней стороны дома и выталкивающих его на сторону, обращённую к закату.

Я подошёл к воротам и, прищурившись, посмотрел на деревянную табличку с выжженной надписью:

«Коммивояжёрам и проповедникам вход воспрещён, только деловые клиенты и известные личные друзья, все остальные ПОСТОРОННИЕ, пожалуйста, оставляйте пакеты в коробке внутри ворот, следите за курами, остерегайтесь собаки, этот знак не является приглашением любого рода».

Я покосился на бассет-хаунда и сказал:

— Остерегайтесь собаки. Это тебя что ли?

Собака посмотрела на меня и зевнула. Затем она поднялась на свои коротенькие ножки и побрела по дорожке, остановившись, чтобы умильно понюхать курицу, и села, глядя на меня

самыми печальными глазами во всём собачьем королевстве.

— Макс! — позвал женский голос из дома. — Макс! У ворот какой-то чудик!

Мужчина с копной седых волос высунул голову в одно из открытых окон, прищурился на меня и быстро ретировался. Он высунул голову во второй раз, на этот раз в толстых очках в золотой оправе, сидящих на кончике носа, и внимательно посмотрел на меня.

— Ага! — сказал он через мгновение. — Кажется, я знаю, кто вы!

— Мне вызвать полицию?— позвала женщина из глубины дома.

— Пока нет! — сказал мужчина, который, по-видимому, был Максом. — Только не звони своей матери!

— Хорошо! — крикнул женский голос.

— Привет, — сказал я довольно неуклюже. — Хорошая собака.

— Я знаю, — сказал Макс. Он пристально посмотрел на меня, глубоко вздохнул и сказал: — Оставайтесь там. Вас не приглашают войти.

Затем его голова снова просунулась в окно, и в доме отчётливо послышались шаги.

Я приподнял брови, услышав это. Большинство

людей не понимает всех технических деталей приглашения, если только они не разбираются в тонкостях сверхъестественного мира. Меня не пригласили, а я получил солидное образование в нескольких школах вежливости (не смотрите на меня так, только потому, что я не знаю, что это значит, я не должен этим пользоваться), поэтому оперся на свой посох и стал ждать Макса Валериуса.

Ростом он был примерно пять футов пять дюймов и сложен как бегун на длинные дистанции, весь из жил и хрящей. На нем были мягкие коричневые льняные брюки, коричневые сандалии, белая льняная рубашка и зелёный жилет, с которого свисала цепочка карманных часов. Его седые волосы торчали по все стороны, как и его борода, хотя его усы были лихо закручены при помощи воска. Он засунул большие пальцы за пояс и направился ко мне, остановившись, чтобы недолго погладить собачьи уши, когда подошёл и встал рядом со зверем.

— Привет. Я надеялся поговорить с Максимиллианом Валериусом о деле.

— Вы нашли его, — сказал Макс, внимательно изучая меня. — А вы, должно быть, Гарри Дрезден.

— Он самый.

Макс хмыкнул, повернулся и сказал:

— Пойдём, Пеппер.

Собака снова лениво поднялась на ноги и побрела за ним, волоча за собой уши.

— Эй!

— Не интересно! — сказал Макс, не оборачиваясь. — Сверхъестественные дела есть сверхъестественные дела, и я в них не вмешиваюсь! Хорошего дня, удачи, ничего против вас не имею, просто не хочу находиться в радиусе вашего действия, мистер Дрезден!

Я моргнул ему вслед, а затем сказал:

— Мне нужна ваша помощь, сэр. У меня есть клиент, которого Талви Инверно вот-вот разорит.

Макс остановился как вкопанный.

— Пожалуйста, сэр, — сказал я. — Если бы мне удалось поговорить с вами несколько минут, возможно, вы могли бы дать мне хотя бы совет.

Пожилой мужчина повернул голову ровно настолько, чтобы поймать меня боковым зрением.

— Макс! — позвала женщина изнутри. — Одумайся!

— Элоиза, — отозвался Макс, явно охваченный знакомым раздражением, — я сам выбираю кли-

ентов!

— Куда это привело тебя в прошлый раз, а?

— Эх! — сказал Макс вместо того, чтобы выругаться, и махнул рукой в сторону заднего угла дома, предположительно туда, где была Элоиза.

— Сам дурак! — спокойно сказала Элоиза. — Ему нравится виноградный Кул-эйд?

Макс повернулся и хмуро посмотрел на меня. Через секунду он наклонил голову в сторону Элоизы и посмотрел на меня так, как будто я был тупым.

— Кто не любит виноградный Кул-эйд?

— Два, Элоиза! — позвал Макс. Он всё время хмурился на меня, а потом сказал: — Вы можете войти. Следите за курами.

Мне угрожали и менее враждебными голосами.

— Благодарю, — сказал я и осторожно открыл ворота. Половина кур сразу же бросилась ко мне, но я раньше жил на ферме и отогнал их с дороги, издавая тихие щелкающие звуки, и вошёл внутрь, никого не упустив и никому не наступив на ноги.

Грозный хмурый взгляд Макса немного смягчился.

— Хорошо, хорошо, — сказал он. — Идите по до-

рожке вокруг до двери моего кабинета и входите. Встретимся через минуту.

Я сделал, как он сказал, пройдя по старой брусчатке, выложенной удобной старой дорожкой вокруг дома, и обнаружил небесно-голубую дверь с другой деревянной табличкой с выжженной надписью, на которой было написано:

«Максимиллиан Валериус, эсквайр, адвокат».

Под ней, более мелкими буквами, было написано:

«*Коммивояжёры и проповедники теперь могут стать целью гражданского иска*».

Я открыл дверь и оказался в небольшом офисе, состоящем из старой деревянной мебели: письменный стол, несколько шкафов для хранения документов и книжные полки на стенах. Маленькая дровяная печь в углу терпеливо ждала зимы. Раздался щелкающий звук, и бассет-хаунд Пеппер вошел через собачью дверь, подошел к собачьей лежанке в деревянном ящике рядом с дровяной печью и улегся. На ящике было выжжено «Мята перечная».

Мгновение спустя Макс поспешно вошёл через заднюю дверь, неся поднос с двумя стаканами фиолетовой жидкости со льдом, покрытыми капельками конденсата. Он поставил поднос на

стол, взял один из стаканов и жестом показал мне взять другой, прежде чем сесть в кресло за столом.

— Я слышал, что ваш плащ пуленепробиваемый, мистер Дрезден, — сказал Макс. — Здесь он вам не понадобится, а вечер сегодня жаркий.

Я посмотрел на маленького человечка и собаку и сделал то, чего обычно не делал.

Доверился ему.

Я снял плащ и повесил его на деревянную вешалку в углу. Мне пришлось потратить некоторое время, чтобы уравновесить эту штуку так, чтобы она не упала. Это была старая вешалка, сделанная, когда большинство людей были намного меньше ростом. У меня был большой рост и соответствующая ему одежда. Я прислонил свой посох в тот же угол, затем сел и отхлебнул из своего стакана что-то похожее на Кул-эйд.

Это и был Кул-эйд.

— Похоже, вы знаете обо мне больше остальных, — сказал я Максу.

Он пожал плечами.

— Мы живём здесь довольно давно, мистер Дрезден. И у меня есть глаза и мозг. Разумно знать местных игроков, чтобы держаться подальше от них. Особенно в последнее время.

— Ха, — сказал я. — Вы знаете врача скорой помощи по имени Ламар?

— Афроамериканец, около сорока лет, отлично играет в шахматы, — сразу же сказал Макс. — У нас с ним схожее отношение к вашей... работе, так сказать.

— И всё же, вы победили Талви Инверно в суде.

Макс фыркнул.

— Я бы так не сказал. Его клиент был неправ. Закон был на нашей стороне. Я просто доказал это к удовлетворению судьи.

— Даже несмотря на то, что адвокат в дорогом костюме делал тоже самое.

Глаза Макса сверкнули за стёклами очков.

— Попытался сделать это.

Он отпил из своего стакана и изучающе посмотрел на меня.

— Итак. Что же нужно чикагскому волшебнику от простого старого профессора права на пенсии?

Я отпил ещё немного «Кул-эйда», чтобы справиться с жарой, а затем рассказал ему о Майе и её ситуации, и особенно о Триппе Грегори.

— Я предположу, что вы пытались запугать его и не добились успеха, — сказал Макс.

— Ну...

— Нет, дурак, не говори ничего, то, чего я не знаю, я не смогу свидетельствовать. — Он осторожно подкрутил усы, делая это рефлекторно. — Действительно, кажется, что этот бой немного однобокий. Чикагская организация против детского репетитора.

— И меня. Я думаю, что Грегори в отчаянии. И он слишком толстокожий, чтобы понять, что он пытается выжать кровь из камня. Я просто хочу, чтобы Майя и её бизнес продолжали помогать детям.

— Это было бы идеально, — признал Макс. Он наклонил голову и посмотрел на меня. — Так почему вы здесь?

— Я не могу заставить Грегори отступить, — сказал я. — И вы единственный в городе, кто раньше побеждал Инверно в суде.

— Действительно. Мистер Зима Зимний, — вздохнул Макс. — Если бы я знал о его, э-э, связях в первый раз, то, возможно, не взялся бы за это дело. Но вот мы здесь.

Я глотнул ещё «Кул-эйд».

— Да, вот мы здесь.

— Макс! — Элоиза крикнула: — Возьми деньги вперёд!

Макс оглянулся через плечо и поморщился.

— Она распоряжается деньгами, — объяснил он мне.

— Да, — сказал я. — На счёт этого.

Макс раздражённо откинулся на спинку стула.

— Вы собираетесь сказать мне, что у вас есть власть и сила, а не деньги.

— Ну…

— Упаси меня боже от хороших драк, — мрачно пробормотал он.

— Я могу заплатить вам немного, — предложил я. — И Майя, вероятно, сможет со временем кое-что наскрести.

— Заплатите мне, — саркастически сказал он, — вместо того, чтобы тратить свои деньги на помощь страдальцам, чьи дома были разрушены, и детям, чьи родители не могут позволить себе дополнительное образование в этом вашем замке.

Я был впечатлён. Макс действительно имел больше понимания о том, что происходило в Чикаго на самом.

— Я был бы у вас в долгу, — сказал я.

Макс выгнул бровь, бросив на меня резкий взгляд.

— Я не уверен, что быть вашим заимодавцем безопаснее, чем находиться с вами в легковос-

пламеняющемся здании, — сказал он мне.

— Может быть, и нет.

— Вы часто бывали на улице в последнее время? — спросил он меня.

Я покачал головой.

— А Ламар был. У меня есть несколько хороших знакомых. Люди вашего толка… ну, скажем так, они не в лучшем состоянии после «террористической атаки». Вашим людям приходится несладко. И это тоже может плохо кончиться для любого, кто находится рядом с ними.

— Да, — сказал я. — Напуганные люди могут делать то, чего они никогда бы не сделали в обычное время.

— Вы думаете, я напуган, мистер Дрезден?

— Я думаю, что после битвы разумно бояться.

— Это однозначно так. — Макс перевёл взгляд с меня на моё снаряжение в углу и обратно. Затем он сказал: — Всё, что я слышал о вас, говорит о том, что вы сражаетесь за правое дело при любой возможности.

— Каждый должен делать это.

Макс медленно откинулся на спинку стула, его глаза заблестели. Он снял очки, достал из жилета безупречно белую салфетку и начал протирать ею очки, одновременно разглядывая старческие

пятна на своих руках. После долгой паузы Макс снова надел очки, аккуратно сложил салфетку и убрал её.

— Да, — сказал он и впервые улыбнулся мне. Зубы у него были маленькие и очень белые. — Мы все должны.

***

На следующий вечер я появился в офисе безымянного сына с Майей и Максимиллианом Валериусом на буксире. Мисс Лапландия, одетая в серый трикотажный костюм, слишком обтягивающий, чтобы быть считаться рабочим, подняла глаза, когда мы вошли, и одарила меня взглядом, который сказал мне, что она хочет перемолоть мои кости, чтобы испечь хлеб из полученной муки.

— А вот и мы. Трипп Грегори, должно быть, уже здесь, да? Потому что я знаю, как сильно тебе нравлюсь.

Она смотрела на меня, улыбаясь.

— Мистер Инверно и мистер Грегори ждут вас в конференц-зале.

Макс был одет в льняной костюм нескольких оттенков бежевого цвета и светло-коричневые оксфорды вместо сандалий. Майя хорошо смот-

релась в синем платье. На мне были джинсы и футболка со Звездой Смерти, сделанной из облака цитат из «Звёздных войн» (в основном из фразы «У меня плохое предчувствие»), мой кожаный плащ и мой посох в руке.

Недавний простой в сочетании с большим количеством ресурсов, чем я привык, означал, что у меня было время начать восстанавливать свой магический арсенал. Мне вернули мои силовые кольца, по четыре на каждой руке, с вплетёнными серебряными колечками, предназначенными для хранения кинетической энергии, а также снова действующий браслет-щит. Всё это было у меня на виду, так как теперь я знал, что и Инверно, и Лапландия были волшебниками. Они бы сразу поняли, что я пришёл вооружённый для охоты на медведя.

Лапландия встала и театральной походкой направилась в конференц-зал. Наверное, даже Майя заметила. Она открыла нам дверь и вежливо спросила, не хочет ли кто-нибудь из нас кофе. Мы отказались и вошли в небольшую комнату для совещаний, стены которой были сплошь были заставлены книгами и картотеками, а посередине стоял длинный стол с тремя стульями по бокам. На книжных полках время от времени появля-

лись странности: подставка с жутко выглядящим изогнутым кинжалом. Белый череп огромного медведя. Нечто похожее на моржовый бивень, украшенное сложной резьбой изображающей воина-викинга, сражающегося с какой-то змеёй.

Талви Инверно, в своём полностью чёрном костюме, сидел в центре, и его глаза сузились, когда вошёл Максимиллиан Валериус.

Макс остановилась в дверях и улыбнулся ему. Я сказал Валериусу, кто такой Талви, не скрывая ничего о нём, но, если старый адвокат и нервничал, это не отразилось на его лице. Я также заметил на нём с полдюжины защитных чар по пути сюда, пара из которых действительно обладала достаточной силой, чтобы их можно было противопоставить кому-то серьёзному. Для парня, который не хотел иметь ничего общего со сверхъестественным, Макс, очевидно, смог подготовиться к этому лучше, чем большинство.

— Кто, чёрт его побери, этот мужик? — взревел Трипп Грегори. Он сидел рядом с Талви в своём костюме и выглядел как респектабельный бизнесмен.

— Это, — сказал безымянный сын, — Максимиллиан Валериус, эсквайр.

Он склонил голову в сторону Макса жестом фех-

товальщика, и Макс ответил ему тем же. Затем он шагнул вперёд и сел напротив безымянного сына, его движения были быстрыми и деловыми.

Я подвинул стул для Майи, чтобы ей не пришлось сидеть напротив Триппа Грегори, а затем сам сел напротив парня.

— Я просмотрел контракт, о котором идёт речь, — сказал Макс Инверно без предисловий. — У вас есть основания, но не бесспорные.

Инверно улыбнулся одними губами.

— Я назначу экспертов для установления ущерба, которые докажут обратное.

Макс точно так же улыбнулся в ответ.

— Вы действительно думаете, что какой-либо судья рассмотрит детали этого дела и вынесет решение в пользу вашего клиента?

— Всё в рамках контракта, и я верю, что мои эксперты придадут нам весомости. Но думаю, что речь идёт не об этом, — ответил Инверно. — Я думаю, вопрос в том, сможет ли ваша клиентка позволить себе дать показания и оплатить услуги ваших экспертов в противовес мне.

Майя нервно взглянула на Инверно, а затем на Макса. Он ободряюще похлопал её по руке, не отводя взгляда от Инверно.

— Я бы на вашем месте не беспокоился об этом,

— сказал Макс.

— Конечно, нет, — сказал Инверно. Его глаза обратились к Майе. — О чем должна беспокоиться ваша клиентка, помимо расходов на судебное разбирательство, так это о том, как отреагирует её собственная клиентская база, когда характер её прошлой профессии станет известен в суде.

Трипп Грегори ухмыльнулся.

— Да, детка. Суд — ужасное место для подобных вещей.

Майя сжала губы, и её лицо слегка побледнело. Она ни на кого не смотрела.

Скрипнув плащом, я скрестил ноги и улыбнулся.

— Я мечтаю о том, чтобы врезать тебя по лицу, — любезно сказал я Триппу Грегори.

Улыбка Триппа дрогнула.

— Вы не тронете моего клиента, Дрезден, — легко сказал Инверно. — Я думаю, вы можете себе представить, какие последствия будут, если вы перейдёте эту черту.

Я улыбнулся Триппу, а затем сказал, обращаясь к Инверно:

— Просто подмечаю.

Майя расправила плечи и сказала:

— Продолжайте.

Все остановились и посмотрели на неё.

— Продолжайте, — ответила Майя. — Я сделала выбор, который сделала, и буду жить с последствиями этого выбора. Вы можете обвинить меня в суде, и это может означать, что я потеряю возможность продолжать работать. Но есть ещё тридцать восемь женщин, которым нужна эта работа. И я всё равно буду бороться за них.

Инверно коротко улыбнулся.

— И как вы потом будете оплачивать своего адвоката, не имея собственного дохода?

— Это вряд ли вас касается, — спокойно сказал Макс. — Мы здесь для того, чтобы обсудить возможные решения, не прибегая к открытому судебному разбирательству.

— Конечно, конечно, — сказал Трипп, бросив на Майю злобный взгляд. — Ты можешь выкупить мою часть бизнеса, если хочешь. Я возьму за неё полмиллиона.

Майя моргнула и недоверчиво посмотрела на Триппа.

— Это более чем в два раза больше прибыли, какую мы получили за семь лет.

Трипп пожал плечами.

— Если меня лишают моей части бизнеса, я хочу что-то получить с этого. Это просто бизнес,

детка.

Глаза Инверно метнулись в сторону к Триппу, всего на долю секунды, и он не выглядел весёлым.

— Это... даже не безумно, а бесчеловечно глупо, — спокойно ответила Майя. — Если у меня нет четверти миллиона, чтобы отдать тебе, то у меня точно нет и полумиллиона.

— Это моя грёбаная цена, — ответил Трипп, его тон был мерзким, а глаза рептилии сфокусировались на Майе. — Ты, маленькая шлюха.

Я поднялся со своего стула.

Инверно встал и вытянул руку в мою сторону, а его тон был предупреждающим.

— Дрезден.

Я показал рукой успокаивающий жест Инверно, но не отвёл взгляда от Триппа.

— Пожалуйста, сообщите своему клиенту, — сказал я очень спокойным голосом, — что, если он продолжит такие оскорбления в адрес Майи, я буду считать их оскорблениями и врежу ему по его большому, толстому рту.

Трипп нахмурился на меня.

— Что, чёрт возьми, это значит?

Инверно мгновение пристально смотрел на меня, а затем лёгкая злобная улыбка едва тронула

уголки его рта.

— Это означает, что, если вы снова оскорбите леди подобным образом, он сочтёт это достаточным основанием для физического нападения и, вероятно, так и сделает, — ответил Инверно.

Трипп рассмеялся.

— В присутствии моего адвоката? Это грёбаное обвинение в нападении, верняк.

Инверно Трипп нравился не больше, чем мне. Если бы это было не так, он не преминул бы использовать угрозы в адрес своего клиента против нас.

— Хоть это и правда, есть по крайней мере мизерный шанс, что потом ему это сойдёт с рук на законных основаниях. — Инверно спокойно взглянул на Триппа. — Учитывая, как вы себя ведёте, я бы сказал, что его шансы выше среднего. Возможно, вам следует выбирать слова, когда речь идёт о молодой леди.

— У меня есть право говорить что хочу, — упрямо сказал Трипп.

— А у него есть право ударить вас, если вы будете продолжать в том же духе, — со вздохом ответил Инверно. — Что, по общему признанию, является вопиющим.

Трипп, похоже, не понял значения слова «во-

пиющий», и, возможно, именно это заставило его успокоиться.

— Отлично. Мы притворимся, что она квадратная, а не... кем она является.

Инверно посмотрел на меня и приподнял бровь.

— Спасибо, — сказал я. Мы обменялись лёгкими кивками, и я снова медленно сел.

Макс прочистил горло, возвращая разговор в нужное русло.

— Предложение вашего клиента не является разумным.

— Нет, — сказал Инверно. — Это не так. Однако это его прерогатива — решать, что предложить. Может быть, у вас есть на примете встречное предложение?

— Десять тысяч, — спокойно сказал Макс, — за которые ваш клиент, как ожидается, подпишет документ об отказе от любых дальнейших претензий к моей клиентке или её бизнесу. Живи сам и дай жить другим.

Инверно принял это с кивком и взглянул на Триппа.

— Десять тысяч, — усмехнулся он. — Я знаю, что она заработала гораздо больше этого.

— Этих денег больше нет, Трипп, — сказала

Майя спокойным, ровным голосом. — Мы потратили их на детей, которые не могли позволить себе платить за обучение.

— Твоя грёбаная ошибка, — ответил Трипп. — Деньги были заработаны. Я хочу то, что причитается мне.

Я поднял глаза и увидел мисс Лапландию, стоящую в дверях. Она вошла с чашкой кофе и выражением отвращения на лице и дала их Триппу. Он непринуждённо посмотрел на неё, шлёпнул её совершенно неуместным образом и сказал:

— Спасибо, детка.

Взгляд, которым она одарила его, мог бы стереть краску, и по сравнению с этим её взгляды, которыми она одаряла меня казались дружелюбными.

Трипп, казалось, не заметил этого.

Лапландия одарила Инверно взглядом полным ярости, пусть и всего на секунду. Затем взглянула на книжную полку. И после этого повернулась, и ушла.

Хм. Я посмотрел на книжную полку и снова на дверь. Что это было?

— Мы можем поднять до четырнадцати тысяч, — резонно заметил Макс. — Это все деньги, которые есть у моего клиента.

— К чёрту это, — сказал Трипп и отхлебнул кофе. — Я хочу то, что причитается мне.

Инверно повернулся, чтобы наклониться к Триппу и пошептаться с ним.

Трипп фыркнул.

— Нет, просто нет. Чёрт возьми, нет.

Инверно откинулся назад, посмотрел на меня без всякого стыда или сожаления и развёл руками.

— Боюсь, ваше предложение отклонено.

Макс кивнул.

— Вижу. Я более чем готов разобраться с этим в суде.

— Конечно, — сказал Инверно. — Как и я, очевидно.

— Очевидно, — сказал Макс. Он посмотрел на Триппа с неприкрытым отвращением, покачал головой и сказал: — Я думаю, что мы исчерпали здесь все возможности.

— Я согласен, — ответил Инверно. — Мы решим этот вопрос в суде. Хотя не стесняйтесь обратиться ко мне, если ваша клиентка передумает.

Макс кивнул и встал, жестом приглашая нас присоединиться к нему. Я проследил за тем, чтобы он и Майя вышли, прежде чем покинуть комнату, так и не повернувшись спиной к Ин-

верно.

Я вывел их на улицу, минуя суровый взгляд мисс Лапландия, и вернул их на улицу без какого-либо сверхъестественного насилия любого рода.

— Ну, — сказал Макс, когда мы шли к моей машине. — Теперь я понял, что вы имели в виду, говоря, что мистер Грегори неразумный парень.

— Ага, — сказал я. — Трудно представить мир, в котором он не поглощал бы попусту кислород.

— Он подонок, — тихо сказала Майя.

— Мне жаль, что мы не смогли найти более мирный способ справиться с этим, — вздохнул я

— Всё в порядке, — сказала Майя. — Некоторые вопросы нельзя решить миром.

Она посмотрела на Макса.

— Вы сможете победить?

— Возможно, — сказал Макс, энергично кивая.

Майя нахмурилась.

— Возможно? Но то, что он делает — неправильно.

Старик развёл руками.

— Закон на самом деле не такой чёрно-белый, как все думают, — сказал он. — Кажется, все представляют закон как линию, проведённую на земле. Это больше похоже на тахеометр геодезиста — им нужно сделать очень много измерений.

И различные факторы могут оказать влияние на конечный результат исследования. В данном случае именно это мы и будем делать — проводить исследование, чтобы убедиться, что вы оказались на правильной стороне закона, а мистер Грегори — на неправильной. Но я буду честен с вами — они будут делать то же самое. Это всё может обернуться против нас.

— Каковы шансы в открытом суде? — спросил я его.

Макс пожал плечами.

— Очень трудно сказать, даже несмотря на то, что у мистера Инверно нет большого пространства для манёвра. Это зависит от целого ряда факторов, в основном от судьи. Пока я бы это сравнил с подбрасыванием монеты.

Майя скрестила руки на животе.

— Я ненавижу всё это. У меня была спокойная жизнь. Я просто хочу снова вернуться к ней.

Я поморщился.

— Мне жаль.

— Сейчас, дорогая, — сказал Макс, беря Майю за руку и нежно сжимая её. — Все предпочитают избегать конфликтов — ну, почти все. Эта жалкая задница создаёт вам проблемы, которых, я думаю, вы не заслужили. Но есть все шансы,

что я смогу заставить его оставить вас в покое и полностью устранить из вашего бизнеса. Он... на самом деле не оставляет особого выбора. Либо вы отказываетесь от всего, что построили, либо сражаетесь с ним.

Майя неуверенно встретилась с ним взглядом.

— Вам не нужно выбирать прямо сейчас, — мягко сказал Макс. — Но вам действительно нужно сделать выбор. Либо бороться с ним, либо сворачивать свой бизнес и не оставлять ему ничего, на что можно было бы претендовать в суде.

— Я не могу просто сдаться, — сказала она после секундного колебания. — Слишком много людей полагаются на «Подсолнух».

— Значит, вы хотите бороться? — напористо спросил Макс.

— Я хочу бороться, — сказала она.

Он похлопал ею по руке и твёрдо кивнул.

— Вы хорошая женщина. Я не могу обещать вам победу. Но я могу пообещать вам, что мы заставим их попотеть.

— Для Триппа это было бы впервые, — сказала она и слабо улыбнулась Максу. — Даже если мы все будем работать вместе, у нас действительно не так много денег, чтобы заплатить вам.

— Мы разберёмся с этим, — вставил я.

Макс взглянул на меня и кивнул.

— Конечно, сделаем это, Майя. В самом деле, мы придумаем как решить этот вопрос.

— Макс, — сказал я, щурясь на заходящее солнце. — Не согласитесь ли вы отвезти Майю домой?

— Конечно, — сказал старый адвокат. — Что вы собираетесь делать?

— Я собираюсь попытаться ещё раз поговорить с Триппом Грегори.

— Зачем? — с отвращением сказала Майя.

Макс скептически приподнял серебристые брови.

— Я мог бы задать тот же вопрос.

— Узнал кое-что о нём. Может быть, я даже смогу заставить его прислушаться к голосу разума.

Майя тихо фыркнула.

— Стоит попробовать, — сказал я. — В противном случае, это месяцы судебных тяжб. И вы можете проиграть.

— Что ж, — сказала она без особой надежды, — удачи.

— В самом деле, она вам понадобится, — добавил Макс, обратился к своей клиентке галантно предлагая руку. — Мисс Майя.

Она улыбнулась ему и взяла его под руку, и он

повёл её к своему старому грузовику, припаркованному дальше по кварталу.

Я прислонился к крылу Мюнстермобиля, и повернулся так, чтобы видеть дверь, ведущую в офис Талви, и стал ждать.

***

Триппу Грегори не потребовалось много времени, чтобы израсходовать гостеприимство Инверно и Лапландии. Двадцать минут спустя Лапландия открыла дверь, и придурок вышел, убедившись, не преминув при этом прижаться всем телом к симпатичной женщине.

Она одарила его взглядом, в котором яда было больше, чем в кобре, и прошествовала вглубь офиса, позволив двери закрыться самой по себе.

Он уверенным шагом вышел на тротуар и прошёл большую часть пути ко мне, прежде чем заметил, что я скрываюсь там в сгущающихся вечерних тенях, высокий, тёмный и грозный в своём пыльнике. Я улыбнулся ему.

— Трипп, есть минутка?

Он замер на месте, колеблясь, перенеся вес тела на одну ногу, как будто решая, продолжать ли идти вперёд или свернуть в сторону.

— Я знаю о Сент-Луисе и знаю, почему ты в

таком отчаянии.

Он замер на месте, уставившись на меня.

— Проценты накапали? — спросил я.

Трипп нервно оглядел улицу, как будто искал машину с номерами штата Миссури.

— Какая тебе на хрен разница? Это не твоя проблема.

— Ты превратил это в проблему Майи, — сказал я. — Вот почему это важно для меня.

Он усмехнулся.

— Как будто она действительно потратила деньги на этих тупых детей. Они где-то спрятаны. Шлюхи всегда прячут деньги.

Мне удалось удержаться от того, чтобы не сжать кулаки так сильно, чтобы хрустнули костяшки пальцев. Кто сказал, что у меня нет сдержанности?

— Она ничего не прячет, — сказал я. Макс всё проверил. Мне кажется, возможно, он надеялся найти способ отказаться от участия в этом деле вместе со мной, но Майя оказалась чиста. — Ты делаешь это напрасно. Это не спасёт тебя от Сент-Луиса.

— Как только я завладею всей франшизой, сразу же её продам, — сказал Трипп, глядя мимо меня.

Я закатил глаза.

— Кому, чувак? — спросил я. — Люди, которые уже управляют ей, — единственные, кто заинтересован в этой бизнес-модели. И если ты отнимешь у них их бизнес, как они смогут выкупить его обратно?

— Бизнес-модель, — усмехнулся Трипп. — Ты думаешь, они действительно делают это только ради детей? Чёрт, да ты идиот. Таких людей не бывает. Все участвуют в этом ради денег.

Я не знал, врезать Триппу или пожалеть его. Полагаю, что ни одно ни другое, не приблизило бы меня к решению проблемы Майи.

Поэтому я стиснул зубы.

— Ладно, придурок. Я немного удивлён, что собираюсь это сказать, но вот оно: у меня есть для тебя предложение.

Трипп наклонил голову и прищурился.

— Брось это дело, — сказал я. — И я поговорю с твоими поставщиками в Сент-Луисе от твоего имени

— Поговоришь с ними? — Трипп усмехнулся. Его глаза нервно скользнули мимо меня. — И что ты им скажешь?

Мой желудок скрутило.

— Что ты под моей защитой. И им следует оставить тебя в покое.

Трипп Грегори откинул голову назад и разразился нервным смехом.

— О, Боже. Просто очуметь, — сказал он. — Ты даже не можешь со мной справится, и думаешь, что сможешь что-то сделать этим ублюдкам?

Он покачал головой, его взгляд метался между мной и... моей машиной?

— Ты не умеешь вести переговоры, — он быстро двинулся вперёд, как будто сбрасывая меня со счетов — и зашагал как-то слишком быстро. — Но тебе больше и не придётся.

Я посмотрел на мелкого гада. И тут до меня дошло.

— Адские колокола, — сказал я с отвращением, вставая перед ним и преграждая ему путь. — Ты поручил кому-то заминировать мою машину, пока мы были внутри, не так ли?

— О чём, чёрт возьми, ты говоришь, — автоматически произнёс его рот, но его глаза расширились, когда я заговорил, и он, казалось, заметно отшатнулся от меня и, возможно, от машины позади меня. — Тебе бурда местная по мозгам дала?

Приятно видеть, как на воре шапке горим. Чаще всего люди в такой ситуации не знают, как действовать. Если они находится в официальной обстановке и у них есть время подготовиться,

они просто будут всё отрицать и сами перейдут в нападение — но если вы ловите их за руку, то срабатывает эффект неожиданности. Реакция Триппа показала мне, что моё предположение было верным.

Я вцепился рукой в воротник пиджака Триппа и швырнул его на капот Мюнстермобиля. Он с криком врезался на него, перенеся большую часть своего веса на грудь и живот. Я огляделся. Улица была слишком оживлённой, чтобы мне могло сойти с рук такое без того,и кто-нибудь не позвонил властям, так что мне нужно было действовать быстро.

— Как насчёт того, чтобы прокатится со мной? — весело спросила я его.

— Пошёл ты! — Трипп ответил со свойственным ему великолепием. Он попытался оттолкнуться от моей машины, его лицо было бледным и испуганным. — Меня не нужно подвозить.

— Да никаких проблем, — сказал я ему, дружески обнимая его за плечи, когда он поднялся. — Ты можешь посидеть рядом со мной, пока завожу машину.

— Отвали от меня! — Трипп почти заверещал и попытался вырваться из моей хватки.

Я с хрустом сжал его плечи. У меня не было

сверхчеловеческой силы, но та что была находилась на пике человеческих возможностей, благодаря различным сделкам, которые я заключил. Трипп был в хорошей форме, но у него просто не было сил, чтобы убежать от меня, если только он не начнёт применять насилие первым. Я крепко держал его и тащил к пассажирской двери.

— Хорошо, хорошо! — сказал он. — Я заплатил парню!

Я с рычанием швырнул Триппа в пассажирскую дверь, достаточно сильно, чтобы остались синяки.

— Идиот, — прорычал я. — Это же людное место. Ты хоть представляешь, сколько шума вызовет взрыв машины? Сколько людей может пострадать!? Что твой человек использовал в качестве взрывателя?

— Откуда, чёрт возьми, мне знать? — пожаловался Трипп. — Всё, что я сделал, это нанял его!

— Идиот, — прорычал я. — Если он использовал чёртов мобильник...

Я сделал глубокий вдох и подавил свои эмоции. Мне не нужна были посторонние мысли, чтобы случайно заколдовать спусковой крючок бомбы и привести в действие эту хреновину. Я указал пальцем на Триппа и сказал:

— Не двигай ни единым мускулом...

Затем я опустился на асфальт и проверил под Мюнстермобилем, даже когда почувствовал лёгкое понижение температуры и трепет тихой энергии, который сказал мне, что наступил закат.

Мне пришлось в наступающих сумерках заглянуть под машину. Человек Триппа установил устройство на бензобак, а провода тянулись к замку зажигания. Похоже, это была взрывчатка, подключённая к аккумулятору и мобильному телефону. Если бы я завёл машину или, предположительно, если бы создатель (или какой-нибудь невинный робот на звонках) позвонил, он бы взорвался.

Я ожидал, что Трипп в любую секунду бросится бежать, но он этого не сделал.

— Адские колокола, — пробормотал я, вытаскивая себя из-под машины и поднимаясь. — Ты просто не знаешь, когда нужно вовремя остановиться.

Я сделал паузу.

Потому что Трипп даже не смотрел на меня.

Он вглядывался в темноту соседнего переулка. И дышал тяжело и часто, издавая высокие, ноющие звуки своим горлом.

Через секунду мои чувства волшебника охватило тошнотворное, жирное ощущение чёрной магии, исходящее из переулка волной мерзкой психической желчи.

Примерно в сотне футов дальше по переулку что-то приближалось к нам.

Сначала я увидел пару горящих глаз — на самом деле довольно обычных. В темноте почти всегда было что-то с горящими глазами. Но когда оно прошло под фонарём, лампочка в нём взорвалась дождём искр, которые каскадом падали вниз в течение нескольких секунд.

Искры, казалось, очерчивали неясные очертания массивного тела, проходя сквозь него полностью, но показывая полупрозрачные контуры — нечто четвероногое, со сгорбленными плечами, тяжело преставляющее конечности. Медведь? Да, долбаный медведь. Его походка изменилась, когда он проходил сквозь искры, сменившись на медвежий галоп.

Следующая лампочка взорвалась ещё большим количеством искр, на этот раз обрушившись на массивную голову медведя — и они физически отскочили от черепа твари, отчётливо видимые сквозь серебристую, полупрозрачную плоть.

Я узнал череп — тот самый, что был на книж-

ной полке в кабинете Талви Инверно.

И его горящие глаза были сосредоточены исключительно на Триппе Грегори.

— Вот дерьмо, — пробормотал я. — Отсо.

— Ч-что? — сказал Трипп.

— Дух медведя. Развращённый слуга лапландской ведьмы, если я правильно догадываюсь. И он в бешенстве.

— Бурда и мне дала по мозгам, — пробормотал Трипп. — У меня мурашки по коже. Мне нужно пойти прилечь.

— Я тоже его вижу, идиот, — прорычал я.

Он тупо уставился на меня и спросил:

— Тебе тоже дало по мозгам?

Мой мозг заработал на полную мощность. Лучшим решением здесь было бы сесть в машину и уехать к чёртовой матери, но Трипп Грегори, тупорылый идиот, сделал это невозможным. Простой круг защитил бы нас от разъярённого духа, но с высокотехнологичным взрывным устройством примерно в пяти футах от меня я не осмелился использовать свою силу. Это уничтожало мобильные телефоны и в лучшие времена, и у меня не было уверенности, что это не приведёт к взрыву бомбы. Я также не мог просто уйти и оставить эту чёртову штуку там, где она была,

— вокруг было слишком много людей, проезжавших мимо на машинах и гуляющих по улицам Чикаго душным летним вечером.

Но все эти потенциальные свидетели означали, что у того, кто заложил бомбу, было не так уж много времени. Максимум пара минут. Велика вероятность, что она не была заложена так, чтобы взорваться при извлечении — это могло быть самоубийством для террориста, например, если бы кто-то помешал ему.

Я решил рискнуть. Сунув руку под машину, схватил устройство, сделал вдох, а затем выдернул его. Он был прикреплён к старому металлическому бензобаку сильными магнитами и достаточно легко оторвался, и внезапно у меня в руке оказалась большая пригоршня бабаха. Я выпрямился, когда дух медведя приблизился на дюжину ярдов и —

— и подумал о том, чтобы оставить Триппа наедине с этой тварью.

Это решило бы так много проблем.

Но с последствиями этого выбора мне пришлось бы жить дальше.

Поэтому я схватил его за пиджак, крикнул:

— Беги! — и потащил его бежать за собой.

Я отдал должное Триппу: он был в хорошей фор-

ме. Хоть и был значительно ниже меня ростом, но сорвался с места и побежал, опережая меня на полшага первые ярдов двадцать, а глаза его были широко раскрыты и полны паники.

Позади нас из переулка вылетел отсо и врезался в бок Мюнстермобиля, смяв его переднюю панель, как будто она была сделана из алюминия, а не из детройтской стали. Автомобиль отбросило на фут в сторону улицы, заставив загудеть и взвизгнуть тормозами. Какой-то бегун оступился, в шоке наблюдая, как едва видимая форма отсо восстанавливает равновесие, трясёт очень заметным черепом с ошеломлённым видом, затем высматривает меня и Триппа, бросаясь в погоню. Фонари взрывались дождём искр, когда он проносился мимо них, оставляя за собой полосу тьмы и криков.

— Чёртова бурда! — кричал Трипп, бросая испуганный взгляд через плечо. — Это глюки! Это не по-настоящему!

— Не тормози, — прорычал я.

Неподалёку было место, где у меня был небольшой шанс справиться с этой штукой, конечно если мы сможем туда добраться. Я свернул налево, помчался по диагонали через перекрёсток, и нас чуть не сбил шикарный городской внедорож-

ник. Нам в след засигналили — по крайней мере, на несколько секунд. Затем отсо пронёсся призраком через перекрёсток в погоне за нами, гася фары и двигатели с одинаковым презрением.

Я взглянул на бомбу в своих руках и сглотнул. Очевидно, что отсо отказывал такое же разрушительное воздействие на технику, как и моя магия. И если он подойдёт достаточно близко, чтобы привести эту штуку в действие…

Мне нужно было открытое пространство.

Битва за Чикаго оставила после себя много руин. Тайное супероружие Титана разрушило сорок четыре здания, большинство из которых были высотками, и ещё десятки были повреждены или разрушены, когда они рухнули. За месяц, прошедший с тех пор, улицы, по возможности, удалось расчистить, но целые кварталы все ещё были завалены щебнем и обломками, и город был вынужден прибегнуть к простому ограждению этих кварталов пластиковыми ограждениями, пока бригады ремонтников и утилизаторов из проекта по восстановлению города не смогут приехать и начать их раскапывать. В новостях подсчитали, что пройдёт по меньшей мере год, прежде чем все завалы будут убраны, и, возможно, ещё один, прежде чем начнётся полная реконструкция.

Если подумать, то Марконе своими действиями заставлял их выглядеть некомпетентными. Приятно знать, что он проделывал это не только со мной.

В двух кварталах от нас была стена из оранжево-белого пластика высотой восемь футов, покрытая предупреждениями об опасности, и я направился к ней единственным способом, который, как мне казалось, мог замедлить бегущего за нами отсо.

Я бежал прямо сквозь поток машин.

Фары ударили мне в глаза. Машины сигналили и сворачивали. Мне пришлось резко дёрнуться в сторону, таща за собой лепечущего Трипа, чтобы избежать мусоровоза, и я услышал, как он врезался в несокрушимую плоть духа медведя с поразительно громким скрипом металла, бьющегося стекла и взорвавшихся фар.

— Давай же! — закричал я и бросился на пластиковое ограждение всем весом своего тела, а Трипп врезался в него с разбегу.

Мы прорвались сквозь него и попали на развалины, в которые Титан превратил мой город.

Это было всё равно, что попасть в другой мир.

Сорокаэтажное здание рухнуло в квартале от пластикового ограждения. Битый бетон, осколки

стекла, искорёженные и вырванные концы арматуры подобно цунами обрушились на соседние здания волной высотой в семь или восемь футов, частично разрушив их. Неподалёку от него под углом в сорок пять градусов накренился круглосуточный магазин на заправочной станции. Я вскарабкался по склону из предательского гравия к его перекошенной крыше, таща за собой Триппа.

— Мы не должны быть здесь! — взвыл Тррип. — Мы вторглись на чужую территорию! Там был знак!

Позади нас отсо пробил себе дорогу сквозь пластиковое ограждение и врезался в груду щебня, как маленький локомотив. Он на секунду замешкался, оглядывая развалины, и мне стало жаль дух существа, который был заперт в черепе — вероятно, ему было не лучше, чем мне. Отсо открыл пасть и издал призрачное эхо медвежьего рыка, прежде чем его светящиеся глаза снова сфокусировались на Триппе, и он начал с грохотом приближаться к нам.

— Не стой столбом! — крикнул я. — Поднимайся выше!

Мы забрались на крышу старой заправки, когда отсо начал прокладывать себе путь по обломкам

в погоне за нами.

— Этого не может быть! — орал Трипп. — Этого не может быть!

— Теперь ты знаешь, что чувствует Майя, да?

Я тяжело дышал. Мы добрались до самого верха крыши, на её дальнем конце, и мне пришлось схватить Триппа, чтобы он не перелез через неё и не пролетел десять футов прямо на обломки.

— Пока нет! — зарычал я. — Приготовься к атаке!

— Что?!

Я обернулся и увидел, что отсо как раз добрался до нижнего края перекошенной крыши. Я поцеловал бомбу на счастье и швырнул её через сорок или пятьдесят футов между нами. Дух медведя взревел от ярости, когда что-то с грохотом упало перед ним, и ударил огромной лапой.

— Прыгай! — закричал я, прижимая Триппа к груди и падая назад, через край. Я выбросил вперёд правую руку и свою волю, рыча: *«Hexus!»*

Между моим колдовством и колдовством отсо должны были произойти плохие вещи.

Мелькнули искры, и через долю секунды бомба взорвалась.

Что касается взрыва, я был готов к худшему — пока не упал на развалины. Чудовищный грохот

ударил по ушам. Наклон крыши давал нам некоторое укрытие, и большая часть взрыва прошла по её контуру, унося облако шрапнели из осколков бетона и битого стекла вверх и в сторону от нас, пока мы наслаждались относительной безопасностью, находясь в тени от взрыва. Несмотря на это, я получил несколько десятков мелких порезов, ссадин и ран — и это до того, как упал на землю.

Укреплённая защитными заклинаниями поверхность моего пыльника, по крайней мере, уберегла меня от удара об острый конец арматуры, и она же, вероятно, остановила множество летящих осколков стекла и камней, но это не уберегло меня от перелома четырёх рёбер и от незначительного разрыва мышц в пояснице, когда Трипп Грегори приземлился на меня сверху, и мы вдвоём покатились вниз по склону из щебня.

Я поднял руку, чтобы прикрыть глаза, и накрыл собой Триппа, когда обломки от взрыва начали сыпаться на нас.

— Что?! — Трипп кричал. Я знал, что он кричал, потому что едва мог расслышать его через гул, который издавали мои перегруженные уши. Он был немного ближе к взрыву, чем я — из одного его уха, где лопнула барабанная перепонка, текла

кровь. — Что только что произошло?! Что вообще здесь происходит??!

— Поздравляю, Трипп, — устало пробормотала я. — Теперь ты разозлил ещё и кое-кого очень опасного.

***

Мы с Триппом пошатываясь отошли от места взрыва. Кажется, он был в шоке, потому что Трипп просто шатался, как от головокружения, куда бы я его ни направлял. Отсо оставил за собой сверхочевидный след разрушений, включая начальную точку, и властям не потребуется много времени, чтобы найти её. Мы сделали большой крюк, зайдя с другой стороны, и мне удалось запихнуть Триппа в Мюнстермобиль и тихо уехать, когда огни и сирены приближались к месту разрушения.

Полицейская патрульная машина остановилась рядом с моей машиной, и офицер в ней посмотрел в мою сторону, моргнул, а затем взглянул на меня ещё раз, более пристально.

Он увидел разбитую машину, за рулём которой сидел парень, покрытый пылью от взрыва. И это была довольно приметная машина. Наверное, это можно было предвидеть заранее.

Я обменялся быстрым взглядом с молодым по-

лицейским и узнал его с приступом фантомной боли в груди. Он был одним из жителей Чикаго, последовавших за знаменем моей воли во время битвы. Они отчаянно сражались с захватчиками, несмотря на то, что были всего лишь командой добровольцев. Все, кто последовал за мной в ту ночь, были ранены.

Большинство из них были мертвы.

Не говоря ни слова, он расстегнул верхнюю часть своей куртки, чтобы продемонстрировать маленькую самодельную булавку с приклеенным к ней бобом, награду, которую я вручил выжившим на поминках по павшим — одному из моих Бобовых Рыцарей.

Он снова застегнул куртку на булавку, серьёзно кивнул мне, а затем просто проигнорировал меня и проехал мимо.

Я вывел Мюнстермобиль из места происшествия, ведя машину медленно и спокойно.

Я посмотрел на дрожащую фигуру Триппа Грегори. Бомба на оживлённой улице. У маленького проныры не было ни чувства меры, ни личных достоинств. Всё это дело выходило из-под контроля.

Пришло время созвать собрание.

Я сглотнул. Мне предстояло сделать звонок,

который мне не хотелось делать.

***

Марконе и Гард появились ровно в одиннадцать часов вечера, а через полминуты Талви Инверно и мисс Лапландия также прибыли на склад на набережной, где, как я знал, Марконе и Белый Совет вели дела — такие, после которых у них оставались улики, от которых нужно было избавиться. Склад был отличным местом для подбрасывание новых тел. Я намеренно выбрал это место.

Трипп Грегори сидел на полу в нескольких футах от меня, дрожа и обращая очень мало внимания на то, что происходило вокруг него. Его глаза ни на чем не фокусировались, и он просто продолжал бормотать о бурде. Мы оба всё ещё были покрыты пылью и мусором.

Марконе окинул эту сцену долгим, молчаливым взглядом. Затем он подошёл ко мне, с мисс Гард по правую руку от него, и встал лицом ко мне примерно в десяти футах.

— Мистер Инверно, — сказал Марконе. — Пожалуйста, присоединяйтесь к нам.

Талви посмотрел на меня, а затем на Триппа Грегори, и лицо полубога нахмурилось. Его яр-

ко-зелёные глаза на мгновение вспыхнули, и он медленно перевёл взгляд на мисс Лапландию, которая всё ещё носила соблазнительный костюм с предыдущей встречи.

Щеки Лапландии ярко раскраснелись, но она вздёрнула подбородок и надменно посмотрела сначала на Талви, а затем на Триппа Грегори. От неё исходила ненависть к мужчинам.

— Спасибо, что пришли, — тихо сказал я, и мне с трудом пришлось проглотить горький ком во рту, чтобы произнести это. — Всё становится ещё более запутанным, чем должно быть, для всех нас. Итак, вот что я знаю.

И вкратце рассказал им всем о том, что произошло после встречи ранее тем вечером. Я использовал короткие фразы и нейтральный тон голоса.

После изложения ситуации, Марконе сказал:

— После звонка Дрездена я связался с кое-какими подрядчиками, которые выполняли для меня работу. Они подтвердили, что мистер Грегори действительно заказал устройство.

Я кивнул Марконе. Затем взглянул на Талви.

Красавчик поморщился.

— Медвежий череп действительно исчез из моего кабинета. Мисс Лапландия отказалась

отвечать на мои вопросы относительно его местонахождения. Я полагаю, она вышла из себя из-за поведения мистера Грегори.

— Подводя итог. За последние три часа ваши люди дважды пытались прикончить меня. — Я выдохнул. — Это затрагивает Соглашения.

Незримые Соглашения были чем-то вроде Женевских конвенций сверхъестественного мира. Они управляли тем, как сверхъестественные силы разрешали конфликты друг с другом.

— По существу дела, — вставил Марконе. — Мистер Грегори не подписывал Соглашения.

— Но он ваш вассал, — раздражённо сказал я, — по всем определениям и традициям.

Взгляд Марконе скользнул в сторону к Гард, которая сдержанно кивнула ему. Он раскрыл ладонь в жесте, как будто ронял что-то на землю, и сказал:

— Очень хорошо. Я снимаю этот вопрос. Как его сюзерен, я несу определённую ответственность за его действия.

Его голос стал очень резким. Трипп Грегори был не настолько выдержан, чтобы не отшатнуться от Маркона, когда тот заговорил таким голосом.

— И ты, — сказал я, поворачиваясь к Талви Инверно. — Безымянный сын, собираешься вы-

ступить против меня?

Глаза Инверно сверкнули.

— Вряд ли, — сказал он. — Моя помощница... часто бывает вспыльчива в своих решениях. Однако я должен заметить, что нападение было направлено не на вас, а на человека, который пытался вас убить.

— Да, какая хирургическая точность, — сказал я сухим тоном. — Это было безрассудное пренебрежение.

Я повернулся к Марконе.

— Инверно — один из ваших. И я могу стребовать с вас.

Марконе наклонил голову и сказал:

— На ваше усмотрение.

Из самых темных теней склада раздался женский голос, более холодный, чем скальпель, погруженный в жидкий кислород:

— И на моё.

Из темноты появилась Королева Воздуха и Тьмы, женщина ростом более шести футов с призрачно-бледной кожей, в длинном чёрном платье, с длинными черными волосами и глазами, сделанными из обсидиановых сфер. Она подошла ко мне неторопливым шагом — существо с ледяным спокойствием и нечеловеческой

красотой. Она была наставницей и владычицей всех злых существ фэйри, и все же в её облике чувствовалась какая-то хрупкость — пережиток схватки с Титаном.

Гард сделала глубокий вдох и шагнула ближе к Марконе. Барон Чикаго не выказал подобных опасений. Он спокойно посмотрел на Мэб, низко склонил голову и произнёс:

— Королева Мэб.

— Барон, — ответила Мэб. Её чёрные глаза обратились к Триппу Грегори, и она покачала головой. — Контролировать излишества своих вассалов — одна из обязанностей фригольдинга.

— Я не уверен, что это дело касается Зимнего Двора и его отношениях с моими владениями, — сказал Марконе. — Дрезден занимался личным делом, а не делами вашего Двора — он помогал смертной, которая попросила его о помощи. Возможно, на этот вопрос не обращать внимания.

Мэб тщательно обдумала слова Марконе, а затем перевела взгляд на меня.

— Мне нет дела ни до смертных, ни до их детей, ни до их учителей, — сказала она. Это было все равно что стоять перед открытой дверцей морозильника и чувствовать, как её слова накатывают на меня. — Объясни, мой Рыцарь, если

можешь: почему оно касается Меня?

Я не выказал ни малейшего волнения, которое испытывал. Мне кажется.

— Они оба повредили служебную машину в ходе своего нападения.

Мэб долго смотрела на меня.

— Автомобиль, который я приготовила для тебя, — пояснила она.

— Да.

— И теперь он повреждён?

— Да. Я подключил к решению этой проблемы Майка.

— Сильно? Заметно?

— Можно починить, — сказал я. — Но да.

Мэб сжала губы и нахмурилась, глядя на меня так, как будто я был полным идиотом. Но она повернулась к Марконе и сказала:

— Я тоже несу определённую ответственность за действия моих вассалов. — Мэб снова пристально посмотрела на меня. — Независимо от того, насколько идиотским может быть их выбор.

Её взгляд обратился к Инверно и Лапландии.

— И это нарушение правил с вашей стороны, Инверно, усложняет дело. Подобные инциденты могут дать смертным повод поднять руку на всех нас. — Она покачала головой и сказала: — Я

испытываю искушение запереть своих вассалов во льду, скажем, на пару десятилетий. И оставить их на все это время в сознании.

— Чтобы уравновесить вас, мне придётся предпринять аналогичные действия с мистером Грегори, — спокойно сказал Марконе. — И это лишило бы меня услуг превосходного адвоката.

— Да, — сказала Мэб, явно раздражённая. — Мне это тоже доставило бы неудобства. И всё же у Зимнего Рыцаря — и, следовательно, у Зимнего Двора — есть серьёзная претензия.

— Тогда как же будет решён этот вопрос? — спокойно спросил Марконе.

— У меня есть предложение, — сказал я.

Черные глаза Мэб сфокусировались на мне, и я почувствовал, как ледяная дрожь пробежала по моим внутренностям.

— Поясни.

— Всё это дело связано с дисбалансом сил, — сказал я, обращаясь в основном к Мэб. — Никто из нас не хочет новых сражений или ненужного внимания. Для решения этой проблемы необходимо восстановить баланс.

Мэб наклонила голову.

— Интересно, — сказал Марконе. — Что вы имеете в виду?

— Я готов спустить вопрос о бомбе на тормозах, — я взглянул на Талви. — Инцидент с отсо тоже.

Марконе кивнул один раз.

— В обмен на что?

— Пусть Грегори отзовёт иск, — сказал я.

Марконе пристально изучал меня. Затем он взглянул на Триппа Грегори и спросил:

— Ты готов рассмотреть это?

Грегори бросил жёсткий, неприятный взгляд на Марконе и сказал:

— Я вас не сдал.

Марконе нахмурился, вздохнул и покачал головой.

— Да. Это так. Боюсь, я не могу не поддержать своего вассала, Дрезден. Мы уже говорили об этом.

Я не думал, что так легко выберусь из этого, но попытаться стоило.

— Тогда как насчёт этого? Ваш парень честно борется в суде. Никаких трат денег мафии на экспертов, никаких дерьмовых юридических силовых приёмов, никакого давления на судью или кого-либо ещё, вовлечённого в это дело. Это обсуждается исключительно по существу — и мы позволяем смертному суду разобраться в этом. Тихо. Гладко. Никто из нас не склоняет чаши

весов в свою сторону. Для меня этого достаточно.

— Подбрасывание монетки имело бы больше смысла, — размышлял Марконе.

— Мне нравится думать, что нечто похожее на справедливость все ещё можно обнаружить где-нибудь в дикой природе, — сказал я. — Оставьте мне иллюзию этого.

Холодный, чёрный взгляд Мэб переместился с меня на Марконе.

— Ваша организация напала на моего Рыцаря прилюдно. — Её взгляд остановился на Лапландии. — И служанка того, кто находится под моей защитой, обесчестила своего хозяина и тем самым союзника Зимы. Как это действие уравновешивает то, что произошло?

— Если Инверно проиграет суд, это означает, что Макс дважды победит его, — сказал я. — Один раз — это невезение. Но быть дважды побеждённым простым смертным. Эта потеря гордости будет для меня достаточным удовлетворением.

Мэб сузила глаза и мгновение изучала меня.

— А если он не проиграет?

— Тогда в следующий раз я буду знать, что нужно играть жёстче.

Мэб повернулась к Марконе, как будто он был единственным взрослым в помещении, и спро-

сила:

— Вы потребуете жизнь служанки Инверно в качестве выкупа за её попытку убийства?

Лапландия напряглась и бросила тяжёлый взгляд на Марконе.

Он оскалил зубы.

— К счастью, никто не погиб. Я готов поверить Инверно на слово, что будет применено соответствующее наказание и что инцидент больше не повторится.

— Я согласен, — сказал Инверно, низко поклонившись Марконе и Мэб.

— Но... — начала Лапландия.

Голос Инверно понизился до холодного, резкого тона, от которого у меня волосы на затылке встали дыбом.

— Замолчи, — прорычал он. — Если ты хочешь, чтобы я сохранил тебе жизнь.

Лапландия выглядела так, словно хотела грызть сталь и выплёвывать гвозди. Но её зубы громко клацнули, и она склонила голову. Инверно одарил помощницу убийственным взглядом, который заставил меня слегка вздрогнуть.

Да, это были по настоящему рабочие отношения. Ну и дела.

— Этот вопрос, — сказала Мэб, — будет решён

перед смертным судом, и ни одна из сторон не будет оказывать влияния или использовать магию, чтобы вмешаться в судебный процесс. Как только дело будет урегулировано, все стороны примут его исход, и вопрос будет решён навсегда. Согласны ли с этим все стороны?

Я кивнул головой, и Марконе повторил мой кивок. Затем он проделал то же самое с Талви Инверно.

— Таково моё решение, — сказала Мэб, повернувшись и скрываясь в тенях, а её голос доносился из глубин темноты. — Любой, кто нарушит его, испытывает на себе моё сильное неудовольствие.

Она замолчала и с отвращением посмотрела на меня.

— Школьные учителя.

— Репетиторы, — поправил я. Затем поспешно добавил: — Моя Королева.

— Перестань искать новые способы тратить моё время впустую, — сказала Мэб. Затем она отвернулась, вся в черных волосах и чёрном платье, и окончательно растворилась в тенях.

Марконе поклонился Мэб, когда она уходила, а затем сказал мне:

— Я полагаю, пусть победит тот, у кого лучше аргументы, мистер Дрезден.

Я обменялся с ним кивком, и Гард с Марконе ушли.

— Добавлю от себя лично, — сказал Инверно, как только мы остались одни, — я ничего не знал о том, что собиралась сделать мисс Лапландия.

Он сделал паузу, взглянув на угрюмую фигуру Триппа Грегори.

— Признаюсь, я всё-таки не понимаю человечество так хорошо, как мне казалось: почему вы просто не позволили отсо выполнить то, за чем его послали? Это бы решило все ваши проблемы.

Я вздохнул.

— Хоть Трипп и мудак-социопат, но кто-то вроде неё не должен быть его судьёй и палачом.

В его голосе звучало веселье.

— Вместо этого неё должен быть гражданский чиновник?

— Может быть, я думаю, что люди должны решать за людей, — сказал я. — Не все мы, рыцари и лорды, высокие и могущественные типы.

Инверно мгновение смотрел на меня, а затем покачал головой.

— Пойдём, дорогая, — сказал он мисс Лапландии. — У нас будет очень долгий вечер.

Лапландия бросил на меня и Триппа Грегори последний, полный ненависти взгляд, а затем

беспомощно последовала за Инверно со склада.

Остались только я и Трипп.

— Ты спас мне жизнь, — сказал Трипп.

Я вздохнул.

— Да.

— Что ж. Не думай, что я собираюсь, чёрт возьми, платить тебе за это, — сказал он. — Я получу свои деньги.

Я с минуту смотрел на парня.

Некоторые люди просто не могут учиться на своих ошибках.

— Не за что, — устало сказал я и повернулся, чтобы уйти.

— Эй, подожди, — сказал он, вставая. — Дрезден, а как же я?

— Я уже спас тебе жизнь. Тащи свою жопу домой самостоятельно.

***

С небольшой толикой удачи и без множества хитроумных юридических манёвров рассмотрение дела заняло пару месяцев.

— Поздравляю, мисс Майя, — сказал ей Максимиллиан Валериус, когда мы вышли из здания суда под лучи раннего осеннего солнца. — Я надеюсь, что вам больше никогда не придётся

мириться с таким отвратительным человеком.

Она наклонилась и крепко обняла Макса.

— Спасибо, мистер Валериус, — сказала она. — Спасибо, спасибо.

— Ну, ну, — сказал он, нежно похлопывая её по плечу. — Элоиза просила передать вам, что пришлёт свежие яйца и домашние помидоры для вашей встречи по франчайзингу. Я удивлюсь, если к тому же она не захватит и печенье.

Майя засмеялась и отпустила его, затем повернулась ко мне и улыбнулась мне.

— Вы выглядите получше, чем два месяца назад.

— Время лечит все раны, — сказал я, выдавив улыбку, которую чувствовал только на десять процентов, но это было на десять процентов больше, чем было. — Я рад, что судья принял верное решение.

— Вероятно, помогло то, что Трипп продолжал говорить. — Она просияла и тоже обняла меня. — Вы действительно чудотворец.

— В хороший день.

Позади нас дверь в здание суда с грохотом распахнулась, и Трипп Грегори стремительно вышел из здания, направляясь прямо на улицу.

Я уже заметила ожидающие машины.

Макс сказал что-то ещё Майе, которая отошла, чтобы поприветствовать группу женщин, которые смеялись и обнимали её. Он проницательно взглянул на меня и проследил за направлением моего взгляда. Ему потребовалась всего секунда, чтобы понять, что происходит.

— Боже мой, — сказал Макс.

Двое мужчин приблизились к Триппу Грегори как раз в тот момент, когда на улице остановилась чёрная машина, а другая притормозила, чтобы на мгновение задержать движение. Один из мужчин держал руку в кармане пальто. Грегори бросил на него испуганный взгляд, затем перевёл взгляд на машину, дверца которой распахнулась.

На машине были номера штата Миссури.

Я наблюдал, как бригада из Сент-Луиса плавно затащила Триппа в машину, прямо на глазах у бога и всех остальных.

— Ты собираешься что-нибудь сделать? — спросил меня Макс Валериус.

Я сделал вдох, а потом сказал:

— Нет.

Старый адвокат пристально посмотрел на меня, снял очки и тщательно протёр их, пока в двадцати ярдах от него происходило похищение

преступника.

— Потому что он этого заслуживает? — тихо спросил Макс.

— Чёрт его знает. Я не уверен, что кто-то ещё заслуживает этого, Макс. — Я выдохнул немного воздуха через губы, когда машина тронулась с места, унося Триппа Грегори навстречу его судьбе. — Но он, чёрт возьми, много сделал для этого.

Макс коротко выдохнул и снова надел очки.

— Я договорился с мисс Майей о графике платежей. — Он подмигнул мне. — Я полагаю, что «Подсолнух» будет получать регулярные анонимные пожертвования на свою программу обучения для неимущих в той же сумме.

Я посмотрел на Макса.

Затем протянул ему руку.

Старик крепко пожал её.

— Вы с Элоизой любите пиццу? — спросил я его. — Мы используем смесь для выпечки…